

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР

Часть III

(доклады и сообщения о творчестве Ибн Сины)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1981

67 Вероятнее всего, что он находился на службе у Мунтасира, последнего борца за власть Саманидов; тогда понятно, что после его ухода из Бухары административная карьера Ибн Сины окончилась. Но нельзя также исключить службу у местного караханидского владетеля.

А. Б. Халидов

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ИБН СИНЫ (980-1037).

О жизни и деятельности Ибн Сины известно очень многое, гораздо больше, чем о других ученых средневекового Востока. Мы обязаны этим прежде всего трем биографическим сводам, содержащим по обширной статье про Ибн Сину, — ал-Байхакӣ, ал-Кифтӣ и Ибн Абӣ Усайбӣ¹. Самый ранний из них, труд ал-Байхакӣ относится к середине XII века, т.е. написан сто с лишним лет после смерти Ибн Сины; хорасанец ал-Байхакӣ преимущественно жил в Нишапуре и встречал людей, которые через два-три поколения помнили некоторые рассказы об Ибн Сине и считали себя последователями его школы. Труд ал-Кифтӣ был создан в середине следующего (XIII) века, в Халебе, т.е. в значительном отдалении от тех мест, где протекала жизнь Ибн Сины, но его биографическая статья по полноте и точности данных не уступает статье предыдущего а в литературном отношении превосходит. Ибн Абӣ Усайбӣ а писал ненамного позднее ал-Кифтӣ и тоже в Сирии (Дамаск), но почти целиком зависит от него; ценность его сведений определяется тем, что ему был доступен оригинал труда ал-Кифтӣ, который до нас дошел в сокращении, также сделанном еще в XIII в. Немаловажно что все три статьи включают в себя перечень трудов Ибн Сины. Можно сказать, что эти источники в основном совпадают и лишь в деталях расходятся или друг друга дополняют; тому есть легко объяснимая причина.

Ал-Байхакӣ и независимо от него ал-Кифтӣ пользовались одни и тем же более ранним источником, не дошедшим до нас описанием жизни Ибн Сины, которое было составлено его преданным учеником ал-Дхузайкӣ. Последний встретил Ибн Сину в 32-летнем возрасте

и находился при нем неотлучно до конца его дней; поэтому его рассказ современен событиям, содержит сведения из первых рук. О более раннем периоде жизни Ибн Сины, до 32 лет, он передавал личные воспоминания, т.е. автобиографические свидетельства своего учителя, что является большой редкостью для средневековой литературы данного региона. Нельзя только упускать из виду, что мы имеем дело с панегирической биографией и автобиографией, в которой, как справедливо заметки А.А.Семенов, есть "некоторые умолчания и неясности, в том числе хронологического порядка".²

Яркий жизненный путь Ибн Сины, выразительно очерченный им самим и его учеником, представляет благодатный сюжет для литературной обработки. Не приходится удивляться, что в последние десятилетия замечательному врачу и философу было посвящено несколько биографических очерков, как в нашей стране, так и за рубежом; писали о нем популярные и даже художественные произведения.

Естественно, все работы об Ибн Сине опираются на перечисленные источники, которые сохраняют свое непреходящее значение. Наряду с тем есть другой важный первоисточник, который используется спорадически и лишь в малой степени. Это — сами произведения Ибн Сины, их содержание, встречающиеся в них биографические свидетельства и намеки, данные об их внутреннем соотношении между собой, о внешних поводах и обстоятельствах их создания. Редкое и недостаточное привлечение сведений, которые можно извлечь из такого ценного первоисточника, объясняется главным образом самим характером, состоянием и объемом того материала, из которого он складывается. Ибн Сина был плодовитым автором, оставившим большое рукописное наследие, которое и при его жизни, и за девять с лишним столетий после его смерти имело сложную судьбу. Автографы его трудов не сохранились, копии относятся к разному времени, ныне находятся в сотнях библиотек и частных собраний в различных странах. То именно обстоятельство, что рукописные материалы, отражающие наследие Ибн Сины, очень обширны, неупорядочены и труднодоступны, служило серьезным препятствием для их надлежащего использования при освещении творческой биографии Ибн Сины.

Положение изменилось к лучшему, когда тегеранский профессор Йахья Махдави опубликовал свое фундаментальное библиографическое исследование о трудах Ибн Сины.³ Он непосредственно ознакомился с сотнями рукописей в крупнейших хранилищах стран Евро-

пы и Востока, сопоставил между собой перечни произведений Ибн Сины у биографов и в старинных рукописных сборниках XII в., приложил усилия к тому, чтобы отделить подлинные произведения Ибн Сины от тех, которые ему только приписываются, установить их количество, названия, объем. Для каждого произведения он привел выдержки из его начала и конца, полное оглавление, ссылки на его рукописные копии и печатные издания.

Однако ни сам И. Махдави, ни другие авторы, насколько мне известно, не использовали выявленные им факты для освещения творческого пути Ибн Сины. В настоящей работе будет предпринята попытка свести воедино и рассмотреть в хронологической последовательности данные о его биографии и о тех его трудах, которые поддаются точной или хотя бы приблизительной датировке. После этого будет дан тематический обзор всех трудов Ибн Сины, которые известны в рукописях или по упоминаниям. В заключение приведем сведения об учениках Ибн Сины и затронем вопрос о характере его научного творчества и о возможных направлениях дальнейших исследований.

Жизнь и труды Ибн Сины.

Сравнительно короткий жизненный путь Ибн Сины, измеряемый 57 годами, отчетливо распадается на несколько периодов, которые протекали в различных городах Средней Азии и Ирана и обозначают разные этапы его ученой и служебной карьеры:⁴

Место пребывания	Династия, с которой был связан Ибн Сина	годы хиджры и н.э.	возраст
Бухара	Саманиды	370/980 -395/1005	до 25 лет
Гургандж	Ма'муниды (хорезмшахи)	395/1005 -400/1010	до 30 лет
Странствия по Хорасану и Табаристану	в надежде попасть к Зирьядам	401/1011 -402/1012	31-32
Джурджан	Зирьяды	402/1012 -404/1014	32-34
Рей	Буйды (рейские)	404/1014 -405/1015	34-35
Хамадан	Буйды (хамаданские)	405/1015 -414/1023	35-44
Мофаккан	Какумиды	414/1023 -428/1037	44-57

I. В Бухаре.

Будущий врач и философ родился в семье налогового чиновника 'Абдаллāха ибн ал-Хасана ибн 'Али ибн Сина, который происходил из Балха и служил в селении Хурмитан (или Хурмисан) близ Бухары, тогдашней столицы Саманидского государства (875-999). Заметим, что имена его отца и деда свидетельствуют о принадлежности семьи к шиитской ветви ислама, на имя прадеда — об иранском (таджикском) происхождении. 'Абдаллāх взял в жены девушку по имени Ситāра из соседнего городка Афшане (или Афшане) и переехал в него на жительство; от этого брака здесь родились два сына, старшего из которых нарекли ал-Хусайном. Впоследствии его прозвали по арабско-исламскому обычаю Абū 'Али, букв. "отец 'Али",⁵ хотя у него не было семьи и сына по имени 'Али. Прозвание по прапрадеду "Ибн Сина" и куниа "Абū 'Али" стали употребляться гораздо чаще, чем его собственное имя ал-Хусайн.

Вскоре семья переехала в Бухару, где и протекали детские и юношеские годы Ибн Сины в период заката некогда могущественной династии Саманидов. В бюрократической иерархии должность сборщика налогов была довольно значительной и доходной, но в общественном мнении малопrestижной. Поэтому можно понять стремление 'Абдаллāха дать сыновьям приличествующее образование, помочь им выбиться в люди и подготовиться к более высокой карьере.

Поначалу ал-Хусайн получил самое обычное по тем временам и в той социальной среде образование: лет до десяти он навещал учителя по Корану и учителя по изящной словесности (адабу), вероятнее всего арабской. В обеих дисциплинах он так преуспел, что, по его собственному выражению, "вызывал удивление". Следующий этап учения Ибн Сины состоял в занятиях арифметикой, геометрией и алгеброй у бухарского торговца-землемера Махмūда, прозванного за свою ученость "Землемером", или "Геометром" (ал-Массāх). Сколько времени мальчик брал уроки у Махмūда и как далеко продвинулся в этих науках, остается неопределенным. Параллельно с этим или немного позднее ал-Хусайн обучался фиску — комплексной дисциплине, включавшей исламские обряды, начатки богословия, законоведения и этики; его занятиями руководил Исма'ил аз-Захид ("Благочестивец"), особое внимание в них уделялось спорным вопросам фиска и умению вести по ним диспут.

В доме у ал-Хусайна водились книги, его отец и брат (види-

мо, не младший, выше упоминавшийся, а другой, малоизвестный) проявляли интерес к знаниям и философско-теологическим спорам, у них собирались местные и приезжие ученые. Упоминается, в частности, что отец читал "Трактаты (или Послания) братьев чистоты" (Расā'мх кхвāн ас-сафъ), натурфилософскую энциклопедию X в., составленную в Ираке группой авторов, и принадлежал к числу тех, кто внял призывам "амиссара египтян" (очевидно, Фатимидов) считавшегося исмаилитом; отец и брат часто обсуждали исмаилитское учение о мировом разуме и мировой душе, ведя речи о "философии, геометрии и индийском счете" и стараясь вовлечь в разговоры много ал-Хусайна. Последний внимательно прислушивался ко всему и во все вникал.⁶

Уже в раннем возрасте ал-Хусайн отличался любознательностью и наблюдательностью. Как он писал позднее, "ребенком я видел на берегу Джайхуна (т.е. Амур-Дарья) места, где есть глина, которой моют голову; позднее я заметил, что она затвердела, превратившись в рыхлый камень, примерно по истечении двадцати трех лет."⁷

Важный этап в учении ал-Хусайна наступил, когда в Бухару приехал, наверное, в поисках заработка, философ Абӯ 'Абдаллах ан-Натилӣ. Отец ал-Хусайна воспользовался этим обстоятельством, пригласил ан-Натилӣ в своем доме, чтобы он стал наставником даровитого сына. Под его руководством ал-Хусайн проработал ряд важнейших книг, "Эйсагоге" (очевидно, Порфирия Тирского) по логике, "Начала геометрии" Евклида и "Альмагест" Птолемея по космографии. Правда, этот добронравный учитель обладал не очень глубокими познаниями и ученик вскоре его превзошел; как вспоминал позднее сам Ибн Сина, трудные разделы логики и математики ан-Натилӣ были недоступны, ему приходилось разбираться в них самостоятельно, решать задачи и выводить формулы, а затем объяснять их учителю, который был непрочь воспользоваться плодами пронизательного ума ученика. Все же биограф ал-Байхакӣ не преминул отметить, что Ибн Сина был не совсем справедлив по отношению к своему учителю: "Я видел изящный трактат ан-Натилӣ о сущем и разъяснении этого слова. Трактат свидетельствует о том, что он был выдающимся знатоком предмета, достигшим высочайшей вершины в науке метафизики. Видел я также его трактат об эликсире, а Абӯ 'Али не ссылается на него в своих сочинениях, кроме "Книги /семи/ постулатов".⁸ Потом ан-Натилӣ уехал в столицу Хорезма Гургандж, и ал-Хусайн продолжал самообразование путем чтения книг по тем же предметам.

К сожалению, прибытие ан-Натили в Бухару и его отъезд в Гургандж никак не датируются, и мы не можем установить, сколько времени продолжались занятия Ибн Сины под его руководством. Это является существенной недомолвкой в автобиографии и "неясностью хронологического порядка", ибо биографы передают довольно подробный рассказ Ибн Сины о периоде самостоятельного изучения наук по книгам, который начался, когда ему было 16 лет, и завершился, когда ему было 18 лет. Эти возрастные данные находятся в противоречии с другими датируемыми фактами биографии Ибн Сины. Исследователь остается перед выбором, либо принять их и передвинуть дату рождения Ибн Сины на 4-5 лет, т.е. отнести к 365/975 году, либо положиться на другие даты и сместить период обучения к более раннему возрасту, скажем в 12-13 лет. Последнее, наверное, следует предпочесть вместе с Ю.Н.Завадовским.

Итак, после того как Ибн Сина расстался с ан-Натили, он старался раздобыть и прочитать как можно больше книг по физике и метафизике, "врата наук стали открываться" ему, и тут он обратился к медицине, которая показалась ему очень легкой, и в короткий срок он овладел обширными познаниями в этой области, так что начал преподавать медицину "достойным врачам" и лечить больных. Врачебная практика в свою очередь способствовала лучшему усвоению медицинских знаний, почерпнутых из книг. Одновременно он не прекращал своих занятий по изучению физики.⁹

Затем наступил полуторогодовой период интенсивной самостоятельной проработки книг по логике и различным отраслям философии, который описан в автобиографии с драматическими подробностями: он трудился целыми днями и недосыпал ночей, истово молился в мечети, когда отчаявался постичь какую-нибудь проблему или одолеть силлогизм, кубком вина прогонял дремоту и упадок сил, а если засыпал, то продолжал мучиться в полусне над неясными вопросами и порой их в этом состоянии разрешал; он делал все, чтобы "утвердиться в науках и познать их в меру человеческих возможностей".¹⁰ В конце концов Ибн Сина подошел к метафизике, считавшейся основной частью тогдашней философии, к тому же самой трудной и абстрактной. Сюда относится вспоминаемый Ибн Синой эпизод, когда он сорок раз (сорок здесь несомненно "круглое" число) прочитал "Метафизику" Аристотеля, запомнил наизусть, но ничего в ней не мог понять и только случайная покупка комментариев ал-Фараби на бухарском книжном базаре открыла ему глаза, дала верный ключ к пониманию учения Аристотеля.

Как далее вспоминает Ибн Сина: "Султаном Бухары в то время был Нұх ибн Мансūr; с ним случилась болезнь, которая поставила врачей в тупик. Мое имя пользовалось у них известностью из-за того, что я много читал. Вот они и напомнили обо мне султану и попросили его позвать меня. Я принял участие в лечении султана совместно с ними и тем отличился в служении ему. Однажды я попросил у него разрешения посетить дворцовую библиотеку, осмотреть ее и почитать книги по медицине, какие там были. Он мне разрешил. И вот я вошел в здание со многими комнатами и в каждой комнате были сундуки с книгами, сложенные один на другой. В одной комнате /находились/ книги по арабскому языку и поэзии, в другой - по фижку, и так в каждой комнате книги по одной отрасли знания. Я просмотрел перечень книг древних /авторов/ и попросил то, что мне было нужно. Я видел там такие книги, которые многим людям не известны даже по названию; прежде я ничего подобного не видел, как не довелось увидеть и после. Я прочитал те книги, получил от них полезные знания и понял значение каждого человека в его науке. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я закончил изучение всех этих наук. Только тогда я знание (науку) больше запоминал, а теперь мое знание более зрело. Если не учитывать этой разницы, то мое знание осталось тем же, ничего нового мне после не прибавилось".^{II}

Из автобиографии Ибн Сины перед нами возникает образ необычайно трудолюбивого и целеустремленного юноши, который в удивительно короткий срок, в очень раннем возрасте сумел накопить громадную эрудицию по едва ли не всем доступным тогда областям знания. К тому же он был от природы очень одарен, быстро превосходил своих учителей, самостоятельно разобрался в сути математических и логических задач. Даже если мы примем во внимание, что объем научных знаний в ту эпоху был не так уж велик, даже если в словах Ибн Сины улавливаются хвастливые нотки, гений молодого ученого впечатляет. С другой стороны, действительно, круг проблем, которые он разрабатывал впоследствии в многочисленных своих трудах, не выходит за пределы тех, которые он узнал к 18 годам, как он сам точно указывает. "Метафизика" Аристотеля и комментарии ал-Фārābī к ней, "исагоги" византийских авторов в арабских переводах, геометрия Евклида и астрономия Птолемея в переводе и переложениях, стихи арабских поэтов и труды по арабской филологии, Коран и сочинения по фижку - вот главные источники, на которые Ибн Сина опирался в своих исследованиях и размышлениях, как мы увидим ниже.

В автобиографии Ибн Сины присутствует мотив чудесного и внезапного усвоения знаний. Сначала в виде некоего озарения при занятиях с учителем ан-Натилӣ, затем в случае с покупкой книги ал-Фараби и, наконец, в истории лечения Нұха ибн Мансұра и посещения его библиотеки. Быть может, лечение и было удачным на какой-то срок, но в 387/997 г., когда Ибн Сине было 17 лет (при условии, что общепринятая дата его рождения - 370/980 г. - верна), этот эмир скончался ненасильственной смертью, что фиксировано рядом независимых друг от друга исторических хроник. Значит, чтение книг в библиотеке Саманидов длилось не очень долго. Какие бы способности мы ни предполагали в Ибн Сине, он не мог за несколько посещений (не сутками же он сидел в дворцовой библиотеке), или даже получив книги на дом, прочитать слишком уж много. Направивается вывод о том, что все прочитанное в молодые годы книг, а их действительно было немало, ослились в его воспоминаниях как результат посещения той библиотеки.¹²

Если представить бухарскую дворцовую библиотеку, о которой почему-то не пишет ни один другой автор, кроме Ибн Сины, сколь угодно реалистически, хотя бы в сопоставлении с другими современными ей библиотеками в Багдаде и Ширазе, то не подлежит сомнению, что подавляющее большинство книг в ней должно было быть исключительно на арабском языке. Наряду с ними могло быть лишь ничтожное количество книг на персидско-таджикском языке, рождение литературы на котором в ту пору едва начиналось. Нет ничего удивительного в том, что молодой ученый увидел в библиотеке ряд неизвестных ему книг, ведь научная и литературная продукция на арабском языке к тому времени была громадной.

Собственные воспоминания Ибн Сины о годах учения вместе с наличествующими в них элементами чудесного и внезапного усвоения наук послужили зародышем тех легенд о нем, которые обросли впоследствии не менее легендарными подробностями относительно его врачебной практики и т.п. Эти легенды трогательны и интересны, как всякий фольклор, но они заслоняют и искажают подлинный облик Ибн Сины, который более всего интересует историков культуры и науки на Востоке в средние века.

Библиотека Нұха II, подобно некоторым другим дворцовым и частным библиотекам того времени, с излишним усердием укрываемым от посторонних глаз, была не только малопосещаемой, но и просуществовала недолго, стореда во время каких-то смут и неуря-

дич в Бухаре. Вероятнее всего, это случилось во время падения династии Саманидов в 999 г. или немногим позднее. Молва бывает не только благосклонна к своим кумирам; злые языки придумали, будто именно Ибн Сина поджег ту библиотеку, не желая чтобы полученные им там знания достались кому-нибудь другому.¹³

Не только годы учения, но и начальный этап научного и литературного творчества Ибн Сины приходится на пребывание в той же Бухаре при последних Саманидах.

Едва ли не первым сочинением Ибн Сины должна быть "Книга о душе в кратком изложении", если только верно известие о том, что она была преподнесена Нұху ибн Мансұру; ее упоминает сам Ибн Сина в одном из поздних сочинений как написанную "лет сорок назад, в начале деятельности". Столь же ранним, юношеским его сочинением было "Прибежище поэтов по метрике", написанное им "в родные в семнадцатилетнем возрасте".¹⁴

К 387/997 году, как это уточнил П.Г.Булгаков,¹⁵ относятся обмен письмами между ал-Бирұни и Ибн Синой, состоящий из десяти вопросов и ответов относительно "Книги о небе" Аристотеля и восьми - относительно его же "Физики"; в них обсуждается широкий круг натурфилософских проблем. Не совсем ясными остаются мотивы по которым старший по возрасту 24-летний ал-Бирұни (род. в 973 г. проживавший в древней столице Хорезма г. Кяте, выступил инициатором переписки с "достойным юношей", 17-летним Ибн Синой из Бухары, а затем допустил некоторые резкости в адрес своего младшего, менее искушенного в науках коллеги. Со стороны Ибн Сины помощником и посредником в переписке выступил факих Абū 'Абдаллах ал-Ма'суми, в редакции которого переписка, быть может включавшая не все письма, была пущена в обращение как отдельное сочинение Ибн Сины "Ответы на вопросы Абū Райхана ал-Бирұни, которые тот направил к нему из Хорезма" (Махдави, № 5).¹⁶

После падения Саманидской династии в 999 г. Ибн Сина еще несколько лет оставался в Бухаре, можно полагать, что до смерти последнего саманидского претендента на трон ал-Мунтасира в 395/1005 г. В автобиографии об этом времени сообщается несколькими краткими фразами: "Потом умер мой отец, обстоятельства у меня были разные, принимался я за некоторые виды служб султану".¹⁷ По всей видимости, Ибн Сина жил в эти годы как частное лицо, имел некоторый досуг и написал несколько сочинений, наблюдал природные явления. "Около 390-391 годов я видел вокруг солнца полный нұмб в цветах радуги, а другой - неполный" - вспоминал он потом.

По просьбе упомянутого Абӯ 'Абдаллāха ал-Ма'сūмī написан "Трактат о любви", по-видимому, еще в Бухаре; он был издан недавно и по-русски.¹⁸

Для своего соседа, некоего Абӯ-л-Хасана Ахмада ибн 'Абдаллāха ал-'Арудī, в 391/1000-01 г. Ибн Сина написал: "Арудиеву мудрость (или философию)" - свой первый энциклопедического характера труд. Впрочем, сам автор ссылается позднее на ряд "комментариев и сочиненных на родине книг".

Как мы знаем из автобиографии Ибн Сины, по соседству с ним был также "человек по имени Абӯ Бакр ал-Барақī, хорезмиец по месту рождения, фāких душой, посвятивший себя исключительно фīлху, тафсиру и аскетизму, имея склонность к такого рода занятиям. Он просил меня комментировать для него книги, и я составил для него Китāб ал-хāсид ва-л-махсӯл почти в двадцати томах, как оставил для него же книгу по этике, которую я озаглавил Китāб ал-бирр ва-л-исм. Эти две книги нигде не найти, кроме как у него, потому что он никому их не одалживал, чтобы скопировать их".¹⁹

Действительно, обе книги до нас не дошли. Но если от "Книги итога и достигнутого" следы вовсе не обнаружены и судить о ней трудно, то от "Книги добродетели и греха", по утверждению ал-Джӯзаджāнī двухтомной, сохранился фрагмент на 15 или 17 рукописных страницах (Махдави, № 40).²⁰

В цитированном отрывке из воспоминаний Ибн Сины в передаче ал-Джӯзаджāнī имя Абӯ Бакра ал-Барақī названо, очевидно, по ошибке (впереди пропущено Ибн?). Ас-Сам'āнī пишет, что он умер в 376 г. х. (когда Ибн Сине было 6 лет), и ссылается на Ибн Мақӯлā, который видел диван его стихов, "писанный рукой его ученика фīлософа Ибн Сины". Уточнить его имя позволяет название другого сочинения Ибн Сины, относящееся несомненно к бухарскому периоду его жизни: "/Тайное/ искусство для имама Абӯ 'Абдаллāха ал-Барақī". Под "искусством" (сан'а) имеется в виду алхимия, а Абӯ 'Абдаллāх был, безусловно, сыном или иным родственником упомянутого Абӯ Бакра.

Близкие отношения с кланом выходцев из Хорезма ал-Барақī, можно думать, повлияли на выбор Ибн Синой места, где он искал пристанища, не найдя применения своим знаниям и таланту в занятой илекханом (Караханидом) Бухаре. Ученому непременно был нужен покровитель, которого он нашел на севере в Хорезме.

2. В Гургандже.

Об этом эпизоде Ибн Сина говорил так: "Необходимость побудила меня уехать из Бухары и перебраться в Гургандж. Абӯ-л-Хусайн ас-Сухалӣ, любивший эти науки, был там везиром. Я был представлен тамошнему эмиру 'Али́ ибн ал-Ма'мӯну. Носил я тогда одежду факжков, то есть платок, прикрывавший подбородок. Мне установили помесячный оклад, довольно сносный, которого хватало для человека в моем положении".²¹ Переезд в Гургандж, куда прежде уехал его учитель ан-Натилӣ, состоялся, вероятно, в 395/1005 г.

В Гургандже Ибн Сина написал несколько сочинений, посвященных шейху Абӯ-л-Хасану Ахмаду (Сахлу) ибн Мухаммаду ас-Сухалӣ и /или Абӯ 'Абдаллаху ал-Хасану ибн Сахлу ибн Мухаммаду, судя по именам, брату и /или племяннику упомянутого везира. Названия сочинений показывают какими были "эти науки", которые ценил везир: "Трактат о сокровенном искусстве", "Поэма о логике", "Трактат о причине нахождения Земли в ее естественном месте", "Объяснение неба и вселенной" (не сохранилось, упоминается автором в предыдущем трактате), "Книга об устранении от человеческого тела обих вредных воздействий путем предупреждения ошибочных мер". На преобладание естественнонаучных интересов, увлекавших Ибн Сину в это время, указывает его рассказ о химическом опыте над куском метеорита: "Я старался расплавить острый кусок из него в Хорезме, но он не плавился и непрерывно из него шел дым, окрашенный в зеленоватый цвет, пока от него не осталась лишь непельная субстанция".²²

На этот же период падает создание небольшого геометрического "Трактата об углах", посвященного известному врачу, математику и астроному Абӯ Сахлу ал-Масӣхӣ, хотя Ибн Абӣ Усайбӣ а сообщают²³, что он написан в Джурджане. Однако только в Гургандже мог Ибн Сина встретиться с Абӯ Сахлем ал-Масӣхӣ, который стал для него учителем, старшим коллегой и другом: он давно переехал в этот город из Багдада и оставался в нем при Абӯ-л-Аббасе Ма'муне ибн Ма'муне (правил в 1010-1017 гг.), которому посвятил свою "Книгу о морозной болезни"²⁴; там же он, по-видимому, умер в возрасте 40 лет, вскоре после отъезда Ибн Сины²⁵. В Гургандже должен был быть написан небольшой логический трактат "Разъяснение направленных /посылок/", упоминаемый автором в одном из сочинений следующего, джурджанского периода его жизни. Наконец, "Восточная мудрость (или философия)" или "Логика восточных" была начата, вероятно, в Гургандже.

3. Из Хорезма - в Джурджан.

В 1009 или 1010 г. умер хорезмшах 'Али́ ибн Ма'мун и блестящее сообщество ученых, собравшихся при его гостеприимном дворе, начало распадаться.²⁶ Одним из первых уехал Ибн Сина, вероятнее всего в 1010 г. Мотивы, которыми он руководствовался, остаются неизвестными, об этом можно строить только догадки. Сам Ибн Сина осылается на "необходимость" и "стремление попасть к Кабусу", т.е. к новому могущественному покровителю наук и ученых, правителю небольшого прикаспийского государства Джурджан (или Гурган) с одноименной столицей. Это объяснение, наверное, и надо принять.²⁷ Приведем соответствующий отрывок из автобиографии: "Затем необходимость заставила меня перебраться в Нису, из нее - в Абиверд, далее - в Тус, в Шахкан, в Саманкан, в Джаджарм, крайний предел Хорасана, и оттуда - в Джурджан. Моей целью был Кабус, но за это время он был схвачен, заточен в какую-то крепость, и умер там. Тогда я отправился в Джикистан, где я тяжело болел, и вернулся в Джурджан. Тут со мной сдружился Абу 'Убайд ал-Джазданий. О тогдашнем своем положении я сложил касыду, в которой есть такой бейт: Когда я стал велик, не стало города, который вмещал бы меня, когда цена моя стала великой, не стало покупателя на меня".²⁸

Во время странствий по городам Хорасана и Табаристана Ибн Сина, очевидно, не имел условий для творческой работы, ничто не указывает на то, что он за эти год-полтора написал что-нибудь. Только некоторые его наблюдения попали позднее на страницы его научных трудов: "Не раз мы наблюдали как воздух на вершине холодных гор замерзает до такой степени, что при ясной погоде разом становится облаком, из которого идет снег; я был свидетелем тому в горах Табаристана подле Ваймы и в горах Туса"; "Я видел на очень высокой вершине между Абивардом и Тусом как к ее подножию пристала громадная туча".²⁹

Согласно известиям ал-Байхакӣ, после Туса Ибн Сина побывал и в Нишапуре, где он мог встретить знаменитого мистика-суфийца Абу Са'ида Мейхенейского. В таком случае к этому времени, 401/1011 г., относятся "Ответы Шейха Ра'иса"³⁰ Абу 'Али́ Ибн Сина́ Абу Са'иду Ибн Абӣ-л-Хайру" (Махдави, № 4). В 10 вопросах последнего и ответах Ибн Сины, которые получили самостоятельное хождение как отдельные сочинения (даже с заглавиями) и только в одном стамбульском сборнике сведены вместе, обсуждаются различные философско-этические проблемы. Нельзя исключить того, что это со-

чинение явилось следствием переписки, которая и породила легенду о личной встрече корреспондентов. Если верить заметке на одной из стамбульских рукописей, по просьбе того же Абū Са'ида Ибн Сина написал трактат (или послание - рисала) "О благах" (Махдави, № 23).

Как пишет Абū 'Убайд ал-Джузайджанī, "с этого места", т.е. прибытия Ибн Сины в Джурджан, "я расскажу об обстоятельствах его жизни то, чему я сам был свидетелем, поскольку я находился при нем вплоть до окончания его жизненного срока. В Джурджане был человек по имени Абū Мухаммад аш-Шйрази, который любил эти науки. Он купил для Шейха дом по соседству и поселил его в нем, а я навещал его каждый день, читал ал-Маджистī и просил его диктовать логику. Шейх продиктовал мне ал-Мухтасар ал-тусат фй-л-мантик, сочинил для Абū Мухаммада аш-Шйрази Китāб ал-мабда' ва-л-ма'ад и Китāб ал-арсād ал-куллийа. Он написал там много книг, также как начало ал-Кавūна, сокращение ал-Маджистī и много трактатов. Потом он написал в земле ал-Джабал остальные свои книги". 31

В другом месте тот же ал-Джузайджанī пишет о своей встрече с Ибн Синой подробнее: "Любовь к философским наукам и стремление получить истинные познания побудили меня покинуть свою страну и перебраться туда, где жил Шейх Ра'ис Абū 'Али. Ибо услышанные мной вести о нем и переданные мне речи его заставляли предпочесть его другим ученым в этой области и избрать его общество. А мне было известно, что он стал искушенным в этих науках, будучи еще молодым и не достигшим зрелости, когда не завершил и двух десятков лет жизни, что у него много сочинений, которыми он не скупится и не стремится их точно записать. Так я утвердился в желании поехать к нему, находиться при нем постоянно и неотлучно, просить его, чтобы его делом стало сочинять, а моим делом - закреплять в письме. Я прибыл к нему, когда он был в Джурджане и возраст его близился к тридцати двум годам. Он был занят службой султану и исполнением его дел, что отнимало все его время, и я улавлял короткие моменты, в которые просил его продиктовать что-нибудь по логике и физике. А когда я призвал его написать большие труды и комментарии, он сослался на уже сделанные им прежде комментарии и сочиненные им на родине книги. Мне было известно, что они рассеяны и разбросаны, а те, кто владели их копиями, дорожили ими. Что же касается его /самого/, то у него не было привычки сохранять себе копию, как не было привычки править оригинал или переписывать черновик, он только диктовал или писал

однажды и дарил тому, кто просил это. Вместе с тем одно испытание за другим выпадали на его долю и книги его всячески пропадали. Я оставался с ним ряд лет, в течение которых он перебрался из Джурджана в Рей и из Рея в Хамадан, где занял должность везира при Шамсаддауле".³²

Двух- или трехлетнее пребывание Ибн Сины в Джурджане, с которого начинается свое повествование ал-Джүзаджәни, оказалось очень плодотворным для него в творческом отношении. Он много работал, хотя число законченных сочинений невелико. Видимо, союз двух людей, — высокоодаренного, беспокойного, вечно занятого, малоорганизованного ученого и прилежного помощника — был весьма полезен. Служил он здесь Манучихру, сыну и преемнику Кабүса, а также его дочери, златокосой Заррин-Гис, по поручению которой выполнял астрономические наблюдения.³³

Вокруг упомянутого "Среднего компендия по логике" некоторое время спустя началась дискуссия, о которой будет сказано ниже. "Книга общих наблюдений" в рукописях не обнаружена, как и сокращение "ал-Маджистй", которые были включены автором позднее в состав других своих сочинений. Какже "трактаты" (расә'ил) здесь имеет в виду ал-Джүзаджәни, установить не удастся. Написанная для Абү Мухаммада аш-Ширазй (в большинстве рукописей, как сообщал Ибн Абй Усайбй'а в XIII в., он назван Абү Ахмад Мухаммад ибн Ибрахйм ал-Фарисй, а в старейшей сохранившейся — Абү Мухаммад ибн Ибрахйм ал-Фарисй) "Книга о начале и конечном исходе" посвящена вопросам физики и метафизики. Отрывок из нее помещен в виде отдельного рассказа в "Собрании редкостей" Низами Арузи.³⁴

4. В Рее.

"Затем Шейх Ра'ис перебрался в Рей и стал служить ас-Саййиде ("Госпоже") и ее сыну Маджаддауле. Его признали благодаря книгам, которые прибыли вместе с ним и внушили уважение к нему. Маджаддаула страдал тогда меланхолией (букв.: им овладела тогда черная желчь). Шейх занялся его лечением и написал там Китәб ал-ма'ад. Он оставался в Рее, пока не направился к Шамсаддауле после убийства Хиләла ибн Бадрә ибн Хасанавайха и обращения в бегство багдадского войска" — пишет ал-Джүзаджәни.³⁵ Последнее событие произошло, по Ибн ал-Асйру, в зу-л-ка'де 405/23.04-22.05.1015 г.

С пребывания в Рее начинается десятилетия связь Ибн Сины с ветвью династии Буидов, закрепившейся ненадолго в центральном Иране. Снова мы остаемся в неведении относительно истинной по-

доплекн событий, вынудивших Ибн Сину податься в Рей к регентше, матери Маджаддаули, а через год с небольшим – к его брату Шамсаддаули в Хамадан. Объяснять все и вся только его страхом перед грозной тенью Махмуда Газнави едва ли правомерно, нигде он сам или его ученик на это не ссылаются, между тем, в "Книге исцеления" Ибн Сина в спокойных тонах, без неприязни и вражды, пишет: "султан Хорасана в наши дни эмир Йаминаддаула Абӯ-л-Касим Махмуд ибн Сабуктакин...".³⁶ Скорее, надо искать причины в конкретных условиях местных феодальных распрей и дворцовых интриг, в которых Ибн Сина принимал непосредственное участие как высокопоставленный советник, с мнением которого считались.

Упомянутая "Книга о конечном исходе" имеет ряд вариантов названия (из них Махдави, № 121 предпочел – "Трактат о душе, изложенный доказательно и аргументированно") и, согласно вводным словам автора, "сделан для одного из искренних друзей", хотя Ибн Абӣ Усайбӣ³⁷ утверждает, что он посвящен Маджаддауле. В Рее Ибн Сина продолжал также работать над "Канонем врачебной науки".

5. В Хамадане.

"Потом возникли причины, – продолжает ал-Джӯзиджани,³⁷ – из-за которых стало совершенно необходимым Шейху покинуть Рей и направиться в Казвин, и оттуда – в Хамадан". Вначале он стал служить некоей женщине по имени Казбандуя и присматривать за ее имуществом, затем был представлен Шамсаддауле, который страдал тяжелой формой желудочного заболевания, "коликами" (кӯландж). За успешное лечение эмира Ибн Сина получил "дары многие и ... стал одним из его надимов", т.е. вошел в его ближайшее окружение. Он принял участие в неудачном походе Шамсаддаули (411/1020 г.), которого просили после возвращения поставить его везиром. Ибн Сина занял этот пост и действовал без особого успеха: не получившее своевременного жалования войско разграбило дом везира и требовало его казни, но эмир ограничился его смещением, и Ибн Сина был вынужден скрываться в доме некоего Абӯ Абу Са'да ибн Дахдӯка течение сорока (опять круглое число) дней.

Рецидив болезни заставил Шамсаддаулу вернуть Ибн Сину с извинениями ко двору и вторично облечь его везирскими полномочиями. Во время очередного военного похода эмир снова заболел и на обратном пути в Хамадан скончался в 412/1021 г. Трон занял его сын Самӣ'аддаула; Ибн Сине был предложен пост везира, но он отказался, "предпочел не оставаться в том государстве и не браться снова за ту службу, склонился в своем выборе к сборению

обоя, спрятавшись в ожидании удобного случая расстаться с тем краем". Ибн Сина скрывался тогда в доме у Абӯ Гәлиба ал-‘Аттәра (торговца благовониями и пряностями). "Знатные люди той державы стали мстить ему за то, что он скрывается, с подозрением отнеслись к его решению уехать и подумали, что он плетет козни и поддерживает вражескую сторону. Один из приближенных его слуг возжелал свергнуть его в гибель, чтобы овладеть его имуществом из благ мира сего. Он указал искавшим, — а они принадлежали к числу тех, кому он (Ибн Сина) оказал раньше благодеяния, которые не позволяли им злобно преследовать его, если бы они способны были помнить добро, — и привел к месту, где он находился. Для верности они (знатные люди) поместили его в крепость Фардадхән, где он оставался около четырех месяцев". "Там он сочинил касыду, в которой была строка: Что я вошел, как видишь, нет сомнения, весь вопрос теперь в том, как отсюда выйти". Так повествует о событиях тех лет тот же ал-Джүзәдхәнн. ³⁸

Девять лет жизни Ибн Сины в Хамадане (1015–1023) ознаменовались рядом новых его трудов и продолжением ранее начатых. Вскоре после прибытия в этот город Ибн Сина апеллировал к багдадской ученой корпорации, прося рассудить между ним и неким местным философом, который нес всякую чушь по вопросам логики и метафизики, ссылаясь на авторитет своих багдадских учителей. Этот эпизод отражает его "Письмо к ученым Багдада..." (Махдави, № 78), сохранившееся в 4 списках. Ибн Абӣ Усайбӣ‘а упоминает письмо с аналогичной апелляцией, обращенной к некоему другу; в рукописях оно неизвестно, может быть, речь идет о том же самом. Полемика с хамаданцем упоминается также в "Книге исцеления" и в Дәһш-нәма.

В начале пребывания в Хамадане Ибн Сина написал "Статью о сердечных лекарствах", как явствует из вводных слов, для Абӯ-л-Хусайна ‘Али ибн ал-Хусайн ал-Хасанӣ. Согласно рукописям и ал-Кифтӣ, эмиру по имени Абӯ Бакр /ибн/ Мухаммад ибн ‘Убайд (или ‘Абдалләх) посвятил Ибн Сина трактат "По случаю праздника жертв о конечном исходе", но ал-Байхакӣ сообщает, что лицом, которому посвящен этот трактат, был везир Абӯ Са‘д ал-Хамаданӣ. Тому же Абӯ Бакру "адресован" трактат "По случаю навруза о смысле букв алфавита".

Много неприятных переживаний доставила Ибн Сине полемика, которая состоялась в конце его пребывания в Хамадане, если верно известие ал-Байхакӣ о том, что человеком, к которому обратился Ибн Сина с письмом по этому поводу, был упомянутый "доверенный везир" Абу Са‘д ал-Хамадани; ³⁹ не исключено, однако, что эта

полемика имела место несколько позднее, уже в Исфахане.

Рукопись "Среднего компендия по логике" (ал-Мухтасар ал-аусат фй-л-мантх, см. выше с.37), написанного еще в Джурджане, попала через какое-то время в Шираз, можно полагать, не без помощи того Абӯ Мухаммада ал-Ширазӣ, в доме которого тогда жил Ибн Сина. Местные ученые ее тщательно изучили, и у них возникли сомнения по каким-то вопросам, которые они изложили в тетради (джуз'). Входявший в их число ширазский судья отослал тетрадь с отрядом всадников к Абӯ-л-Касиму ал-Кирмāнӣ, сотрудничавшему с алхимиком Ибраһимом ибн Бабā ад-Дайламӣ, и присовокупил от себя письмо к нему, предложив показать их Ибн Сине и просить у него ответов.

Абӯ-л-Касим ал-Кирмāнӣ явился к Шейху в один летний вечер, когда у него происходил маджлис, положил перед ним ту тетрадь и, когда Шейх ознакомился с ней в присутствии людей, удалился. Ибн Сина велел ал-Джӯзаджāнӣ подать бумагу и нарезать ее в тетради. Ученик скрепил пять тетрадей по десять листов каждая. "После вечерней молитвы", — продолжает ал-Джӯзаджāнӣ, — "он поставил свечу, велел подать вина и посадил меня со своим братом пить, а сам начал писать ответы по тем вопросам; так он писал и шел до полуночи, пока меня и его брата не сморил сон. Тогда он велел нам удалиться. Утром же ко мне постучали в дверь, оказалось, что посланец Шейха требует меня явиться. Придя к нему, я застал его на молитвенном коврике, а перед ним лежали те пять тетрадей. Он сказал мне: Возьми их и отнеси шейху Абӯ-л-Касиму ал-Кирмāнӣ, передай ему, что я поторопился с ответом, чтобы не задерживать конного отряда. Когда я принес их Абӯ-л-Касиму, он страшно удивился и отпустил отряд всадников, объяснив им случившееся. Рассказ об этом распространился среди людей как необычайная история".⁴⁰

Написанный Ибн Синой текст и представлен, очевидно, в рукописях "Ответов на двадцать вопросов" (Махдави, № 8),⁴¹ если судить по некоторым текстовым параллелям и совпадениям с "Средним компендием по логике". Начинаются они словами: "Этo — двадцать вопросов, заданных современниками из пытливости...".

В описании ал-Джӯзаджāнӣ эпизод выглядит безобидно, как пример обязательности и поразительной работоспособности Ибн Сины. Между тем, мирное выяснение темных вопросов логики имело продолжение с неожиданным поворотом, перешло по инициативе Абӯ-л-Касима ал-Кирмāнӣ в ожесточенную полемику. Это видно из того, что

пишет Ибн Сина: между ним и Абӯ-л-Касимом ал-Кирмāнī долгое время сохранялись добрые отношения, "он был мне как сын, даже ближе, чем сын, и любезнее; я учил его, воспитывал и привел его на ту степень знания, на которой он сейчас находится, и никто другой вместо меня не поднимал его по ступеням".⁴² Наверное, ученичество Абӯ-л-Касима у Ибн Сины отражает "Ответы на десять вопросов" (Махдави, № 6), напоминающие по форме запись урока; помета на одной из рукописей⁴³ сообщает, что эти вопросы задавал Абӯ-л-Касим ал-Джурджāнī или ал-Кирмāнī.

Как явствует из слов Ибн Сины, на его "Ответы" ширазцам Абӯ-л-Касим ал-Кирмāнī написал какое-то возражение; Ибн Сина дал ему отповедь, а Абӯ-л-Касим проявил "непристойное упорство", "сердитость", "готовность дойти в препирательстве до того, что стеснило бы мою грудь". Ибн Сина был возмущен бестактностью бывшего ученика, огорчен кривотолками, возникшими в связи с этим среди друзей и близких; по поводу каких-либо возможных сомнений в его компетентности он указывал на свои упорные занятия наукой, достижение высших ступеней умозрения и исследования, гордое сознание бесстрашия перед любым оппонентом. "Не могу себе представить, - говорил он, - чтобы предмет, которым я овладел в совершенстве, мог стать объектом разрушения, отмены или порчи, даже если объединятся против меня все прошлые, нынешние и будущие обитатели земли и неба. На то, чего я не знаю, я не претендую".⁴⁴

Не лишено любопытства, что ал-Байхакī, стараясь быть объективным, говорит о сопутствовавшей полемике "неблаговоспитанности", проявленной обоими, так как "Абӯ 'Али обвинил Абӯ-л-Касима в том, что он мало занимался искусством логики, а Абӯ-л-Касим обвинил Абӯ 'Али в софизмах ..., и сказал однажды Шейху Абӯ 'Али: Не утверждай своего мнения поношением чужого мнения, ибо правда светла, а справедливость неуничтожима".⁴⁵ Активным сторонником Абӯ-л-Касима выступил врач Мискавайх, получивший известность как историк, который служил тогда в Ширазе библиотекарем Буздов; о нем Ибн Сина также высказался резко отрицательно.

Наконец, главное, что сделал Ибн Сина в Хамадане - завершил свою грандиозную медицинскую энциклопедию "Канон врачебной науки" (Махдави, № 98) и написал ряд важнейших частей "Книги исцеления" (Махдави, № 84). Об этом ал-Джурджāнī рассказывает так: "Я попросил его комментировать книги Аристотеля, но он ответил, что у него сейчас нет для этого досуга, и сказал: Если ты удовлетворишься тем, чтобы я составил книгу, в которой изложу все, что по-моему верно в этих науках, избегая полемики с придерживающимися иного

взгляда и не занимаясь возражениями против них, то я сделаю это. Я согласился, и он начал /раздел/ физики к Китаб аш-шифа', а до того у него уже была написана Первая книга ал-Кануна. Каждый вечер в его доме собирались ищущие знания и читали по очереди, я читал из аш-Шифа', кто-нибудь другой - из ал-Кануна. Когда мы кончали, приходили разные певцы, приготавлился пирушественный маджлис со всем необходимым и начиналось застолье с пением. Преподавание происходило по вечерам, так как днем не оставалось времени из-за эмирской службы".⁴⁶ Позднее, когда Ибн Сина жил в доме Абӯ Галиба (ок. 413/1022 г.), - продолжает ал-Джузджани - "я попросил его закончить Китаб аш-шифа'. Он вызвал Абӯ Галиба, попросил бумаги и чернил, тот принес, и Шейх исписал своей рукой приблизительно двадцать тетрадок в осьмушку листа, /изложив/ главные вопросы. За два дня он написал все главные вопросы, не имея ни одной книги при себе и ни одного источника, по которому он мог бы справиться, - только по памяти и из своей головы. Потом Шейх разложил те тетрадки перед собой, взял бумаги, заглядывал в каждый вопрос и разъяснял его подробно. Так он писал по пятьдесят листов в день, пока не закончил разделы физики и метафизики целиком, за исключением двух книг, о животных и растениях; он начал раздел логики и написал одну его часть...".⁴⁷

В крепости Фардаджан Ибн Сину содержали как почетного пленника и не лишали возможности работать. Здесь он написал в 414/1023 г. три или четыре своих сочинения: философский трактат "Хайй ибн Йакзан", "Книгу о коликах" по просьбе Нусратаддаули 'Иззалмулка и "Книгу верного пути" для "дорогого брата". Как сообщает ал-Байхакӣ, здесь же закончена книга (или трактат) "Птицы".

События между тем развивались таким образом, что молодой правитель Самā'аддаула и распорядившийся при его дворе военачальник Таджалмулк сами были вынуждены оставить столицу государства Хамадан и искать убежища в той же крепости Фардаджан. Дело в том, что к тому времени возвысилось и окрепло соседнее феодальное государство с центром в Исфакане; во главе его стоял с 1008 г. 'Ала'аддаула Мухаммад, чей отец Душмайзийар был на воинской службе у Буйдов и получил от них в удел небольшой городок. После смерти Шамсаддаули 'Ала'аддаула претендовал уже на все владения своего прежнего повелителя и, совершив поход на Хамадан, взял его; но вскоре ушел, добившись, очевидно, от Самā'аддаули признания своей вассальной зависимости. Последний вернулся в Хамадан, взяв с собой Ибн Сину, и снова предложил ему стать везиром. Ибн

Сина уклонился, просил отсрочку, и его оставили в покое. Он поселился "в доме ал-'Алавī", т.е. алда, можно думать, того самого Абӯ-л-Хусайна 'Али́ ибн ал-Хусайна, которому он посвятил прежде "Статью о сердечных лекарствах". В этом доме Ибн Сина продолжал работать над разделом логики "Книги исцеления", но искал возможности уехать к 'Ала'аддауле в Исфакан, с которым он, видимо, вступил в тайную переписку и договорился.

6. В Исфакане.

Ал-Джӯзаджāнī повествует: "Так продолжалось некоторое время, в течение которого Таджалмулк сулил Ибн Сине всяческие заманчивые обещания. Потом Шейху представился случай отправиться в Исфакан. Он выступил переодетым, а я, его брат и двое слуг были в одежде суфийев, пока мы не достигли Табарāна возле ворот Исфакана, претерпев в пути тяжкие испытания. Нас встретили друзья, друзья Шейха, приближенные эмира 'Ала'аддаули и его свита. Шейху доставили специальные одеяния и экипажи и поселили в квартале по названию Кункунбаз, в доме 'Абдаллāха ибн Бāбī, в котором были все необходимые инструменты и утварь. На приеме у эмира были ему оказаны такой почет и уважение, какого подобный /человек/ заслуживал. Эмир 'Ала'аддаула взял за правило, чтобы по пятницам вечером устраивать приемы с диспутом, где присутствовали ученые разных рангов и среди них Шейх Абӯ 'Али́, и никто не мог превзойти его в какой-либо науке. В Исфакане он занялся завершением Китāб аш-шифā'; окончил разделы "логика" и "ал-маджистī", к кратко набросанным прежде разделам "уклїдис", "ал-арїсмāтїкї" и "ал-мўсїкї", т.е. ко всей "математике" он сделал дополнения, решив, что это совершенно необходимо, к "ал-маджистī" он добавил десять чертежей разных видов, а в конце "ал-маджистī" по астрономии добавил некоторые вещи, которых до него никто не писал. К "уклїдису" он добавил /разрешение/ некоторых сомнений, к "ал-арїсмāтїкї" - некоторые изящные частности, к "ал-мўсїкї" - /изложение/ вопросов, мимо которых прошли предшественники. Так завершилась книга, известная как аш-шифā', за исключением двух частей (букв. "книг"), о растениях и животных, которые он написал в год, когда 'Ала'аддаула выступил походом на Сабур Хаст, в пути. Также в пути он составил Китāб ан-наджāт. Он стал особо приближенным лицом у 'Ала'аддаули, одним из его надимов. Когда 'Ала'аддаула совершил поход на Хамадан, и Шейх сопровождал, однажды вечером в присутствии эмира зашел разговор о неточностях, возникающих в таблицах, составленных на основании прежних наблюдений, и эмир при-

казал Шейху заняться наблюдением звезд и планет, отпустив на это требуемые средства. Шейх приступил к этому, поручив мне достать инструменты и нанять мастеров, их изготовляющих; в результате многие вопросы прояснились: в деле наблюдений возникали неточности из-за многократных перемещений /наблюдателей/ и соответствующих помех. В Исфахане Шейх составил Китаб ал-'алā'ī".⁴⁸

Последний, довольно продолжительный (414/1023-428/1037 гг.) период жизни Ибн Сины, со дня прибытия в Исфахан и до самой смерти, как можно видеть из рассказа ал-Джүзаджāни, был насыщен напряженной и разнообразной научной деятельностью, которая сочеталась также с участием в военных походах и в светских развлечениях при дворе. Кроме "Книги исцеления", о создании которой рассказано очень подробно, Ибн Сина написал в Исфахане и вне его во время поездок ряд больших и малых трудов, часть которых удается датировать, хотя бы приблизительно.

На пути в Исфахан написано небольшое сочинение "О решении и предопределении /божьим/", своего рода благодарность судьбе за спасение, выдержанная в оптимистических тонах. Когда оно написано? Полагают, что когда Ибн Сине удалось ускользнуть из Хамадана от бдительного ока Таджалмулка (так у Ибн Абй Усайбй' и в одной из стамбульских рукописей); есть версия (другой рукописный сборник в Стамбуле, Айна-София, № 4852), что оно написано в конце мухаррама 420/февраля 1029 г., т.е. когда Ибн Сина бежал будто бы от войск Мас'уда, сына и полководца Махмүда Газнавй, совершившего поход на центральный Иран.

У ал-Джүзаджāни есть длинный рассказ о том, как Ибн Сина (не терпевший, очевидно, ничего превосходства) был задет замечанием филолога Абү Мансүра ал-Джаббāна в присутствии эмира, что он мало начитан в лексикографии. Философ на три года засел за арабские словари, специально выписав из Хорасана Тахзйб ал-луга ал-Азхарй, сочинил три касиды, включившие редкие слова, написал кички-послания в стиле Ибн ал-'Амйда, ас-Сахиба и ас-Сабй (считавшихся непревзойденными стилистами) и подобрал их Абү Мансүру (через третье лицо) и, когда тот мучился с трудными словами и выражениями, стал с удовольствием объяснять их ему. Абу Мансүр был посрамлен, догадался, в чем дело, и принес свои извинения. Ибн Сина составил словарь под названием "Язык арабов", оставшийся в черновике. Действительно, сохранился рукописный фрагмент с выдержками из словаря Ибн Сины, в котором лицо, их сделавшее, говорит, что он видел автограф примерно на 130 листах. Для того же Абү Мансүра Мухаммада ибн 'Али ибн 'Умар ибн ал-Джаббāна был на-

писан трактат Ибн Сины "Причины образования звуков". Из жизни Абū Мансūра из Рей, бывавшего и в Исфахане, Йақūt⁴⁹ приводит только дату 416/1025 г., которая может служить косвенным указанием на время написания этих сочинений Ибн Сины.

Вероятно, вскоре после прибытия в Исфахан написано единственное философское сочинение Ибн Сины на персидском языке "Мудрость (или Книга знания) для 'Аля'аддаули" (Махдави, № 72) — Дāниш-нāма-йи 'Аляйй или ал-Китаб ал-'Аля'й.

В связи с упоминавшимися астрономическими наблюдениями в Исфахане, которые велись в течение восьми лет,⁵⁰ Ибн Сина написал трактат "Астрономические инструменты".⁵¹

Годом "вторжения в эту страну покойного султана", как сообщается в "Диалогах" (о них см. ниже), датируется создание "Книги справедливости". Речь идет безусловно о походе Махмūда Газнавī, при котором он захватил в 420/1029 г. Рей, а передовой отряд его войска под командованием его будущего наследника Мас'ūда взял в следующем 421/1030 г. Исфахан. В этой книге разбирались свыше 27 тысяч вопросов, по которым расходились комментаторы книг Аристотеля, и им была воздана "справедливость"; автор затратил на нее несколько месяцев, и книга заняла 20 томов, иначе 6 тысяч листов почерком نزل (мелким?) или 10 тысяч листов почерком عدل (средним?). Оригинал, еще не переписанный набело, исчез, когда вражеские солдаты разграбили дом Ибн Сины вместе со всем имуществом и библиотекой.⁵² Потом он думал восстановить свой труд и неясно, что представляет собой сохранившиеся части (см. Махдави, № 35),⁵³ остатки первоначального варианта или вновь написанное.

С попыткой Ибн Сины восстановить свою утраченную "Книгу справедливости" связана еще одна полемика, которая произошла в начале 1030-х годов, когда он, видимо, находился в Рее. Люди из его окружения, побуждавшие снова вернуться к этому труду, советовали ему выписать из Багдада новые книги современных авторов, которые вызвали бы прилив творческой энергии и помогли преодолеть безразличие к однажды написанному. Последовав совету, он попросил своего друга купить для него книги двух почтенных ученых, не останавливаясь перед затратами. Тот друг смог достать только несколько книг третьего автора, заплатив, поторговавшись, непомерно дорогую цену, а их содержанием Ибн Сина и его ученики остались недовольны, обнаружив в них путанницу и непоследовательность изложения. Ибн Сина разгневался, обрушив упреки своим советчикам и стал поносить заносчивых багдадцев, которые "дерут

непомерные цены, словно бы они дарят нечто невиданное и неслыханное, тогда как эти книги заслуживают лишь того, чтобы вернуть их продавшему, /даже/ не востребовав обратно платы за них".⁵⁴

По поводу одной из тех книг и написал Ибн Сина "Возражение на книгу Абū-л-Фараджа 'Абдаллаха ибн ат-Таййиба Католикоса" (Махдави, № 76), которое начинается словами: "Нам попадались книги, которые сочиняет шейх Абū-л-Фарадж ибн ат-Таййиб, - да продлит Аллах его славу! - по медицине, и мы находили их верными, удовлетворяющими, в отличие от его сочинений по логике, физике и близким к ним предметам. Теперь нам попалось его рассуждение о природных силах...". Ибн Сина критиковал трактат Абū-л-Фараджа (он был секретарем католикоса Илийаса I и врачом багдадской больницы) "О четырех силах"; в ряде рукописных сборников сочинений Ибн Сины этот трактат помещается непосредственно перед его "Возражением" и иногда ошибочно ему приписывается. Сам трактат начинается словами, из которых явствует, будто он написан для Ибн Сины "ради дружеских отношений"! Вот какого рода формула прикрывала настоящий торг между поверенным щедро заплатившего заказчика и писавшим на заказ автором. Ал-Байхакī сообщает, что Абū-л-Фарадж очень обиделся на Ибн Сину за резкую критику и, когда ознакомился с перепиской между ал-Бирūнī и Ибн Синой, сказал: "Осуждавший людей будет ими осужден, вместо меня это сделал Абū Райхан".⁵⁵

Походом на Сабур Хаст, как мы видели выше (с.35), т.е. 423/1032 годом, датируется окончание "Книги спасения" (Махдави, № II8), составленной "по просьбе группы друзей", пожелавших отличиться от черни ('āmma) и присоединиться к избранным (ḫāssa) путем усвоения изложенной в ней мудрости.

С "Книгой исцеления" сопоставима по дате окончания и должна быть отнесена к началу 1030-х гг. "Восточная мудрость", иначе "Логика восточных" (Махдави, № 63), так как первое сочинение упоминается во втором, а второе - в первом. В перечнях трудов Ибн Сины вслду отмечается, что в полном виде она не обнаружена.

Последним значительным трудом Ибн Сины по философии называют "Книгу указаний и замечаний" (Махдави, № 27), во вводных словах к которой есть обращение к "брату (другу)", имя которого не раскрыто. Авторский экземпляр книги также погиб во время разграбления библиотеки Ибн Сины, но ее копии сохранились.

С перечисленными крупными произведениями Ибн Сины связаны "Комментарии" (Махдави, № 49), местами напоминающие "Книгу спа-

сения". Быть может, они представляли записи учеников во время занятий-диспутов. От них сохранились несколько отрывков.

Известно также, что Ибн Сина писал некоторые разъяснения к своей "Книге исцеления" и вел записи "Дополнений", которые должны были окончиться по его замыслу только вместе с его жизнью.

Различные эпизоды пребывания в Исфахане отражают служебные и дружеские "письма", или "записки" (ар-рука^с) Ибн Сины, из которых дошли до нас шесть (Махдави, № 79); их адресаты: Алā'ад-даула ибн Какуйя, шейх Абū-л-Фадл ибн Махмūd, шейх Абū-л-Касим ибн Абī-л-Фадл, Абū Джа^сфар ал-Касанī, Абū Тахир ибн Хасūл, неназванный по имени друг.

После 423/1032 г. написан, вероятно, "Компендий по основам логики", адресованный "достойному щедрому шейху" по имени Абū Умар Мухаммад ибн Джа^сфар. Также после этого года написана, по мнению ее исследователя, "Поэма по медицине".

По просьбе влиятельного лица, которым, согласно двум рукописным сборникам сочинений Ибн Сины, был Абū Сахл ал-Хамдавī (тот самый, что брал Исфахан в 425/1034 г.), написан "Трактат о половой потенции".

В "Возражении на статью шейха Абū-л-Фараджа ибн Абī Са^сйда ал-Йамамī Ибн Сина разъяснял один медицинский вопрос; этот врач и астроном из Басры, "выдвинувшийся в Буидской державе" (ум. в пределах 421/1030-430/1040 гг.),⁵⁶ находился, видимо, некоторое время в Исфахане.

В конце жизни, ок. 427/1036 г. (?) должен быть написан "Трактат о наделенной речью душе", поскольку в нем упоминается раннее сочинение автора на ту же тему (см. выше, с.32).

По-видимому, к последним годам жизни Ибн Сины относится "Расхождение людей относительно души и разума" или "Письмо Шейха к ал-Кийā славному Абū Джа^сфару Мухаммаду ибн ал-Хусайну ибн ал-Марзубāну" (Махдави, № 12), так как в нем упоминается гибель "Книги справедливости" "во время одного из поражений" (т.е. события 1029 г.), а в конце автор делает признание личного характера: "Прости мне путанный почерк и неровные буквы, ведь уже год-два я не веду переписки, потому что продолжительные болезни изнурили и обессилили меня, приковав к постели и отняв возможность что-либо писать. И это - первое, что я пишу...". Речь идет здесь, наверное, о последней в жизни болезни Ибн Сины, о которой писал и ал-Джūзаджāнī.

Тому же лицу адресованы "Ответы на вопросы", или "Субстанциональность огня" (Махдави, № 11); Низами Арузи⁵⁷ идентифициро-

вал его с Абӯ-л-Хасаном Бахманй̄аром ибн ал-Марзуб̄аном. В самом деле, в обоих именах есть общая часть — Ибн ал-Марзуб̄ан. Однако едва ли Ибн Сина стал бы обращаться к своему ученику "О господин мой, владыка мой, великий мой, друг мой!" (Йа саййидй̄ ва муулайя ва кабрй̄ ва халилй̄), как в этих "Ответах", и "Превосходный, единственный" (ал-Ф̄ахил ал-аухад), как в предыдущем "Письме".

Наконец, "Диалоги", или "Обсуждения" (ал-Муб̄ахас̄ат), в которых адресатом, а иногда и автором, выступают Бахманй̄ар и другие ученики Ибн Сины и лица из его окружения исфаханского периода, собраны, видимо, уже посмертно по "запискам" (рука^с) с вопросами и ответами (Махдави, № 105). В них встречаются ссылки на разные сочинения Ибн Сины, особенно — последних лет, "Книгу справедливости", "Книгу указаний"; целиком включено сюда "Письмо" к ал-Кий̄а Абӯ Джа^сфару, о котором только что шла речь. Но главным образом в "Диалогах" обсуждаются вопросы, связанные с "Книгой исцеления".

Последние три года жизни Ибн Сины (1035–1037) протекали в борьбе с тяжелой изнурительной болезнью, тем самым к̄уланджем (коликами), от которого он успешно лечил других и о котором написал специальный труд. Преодолевая недуг, он продолжал исполнять свои везирские обязанности и участвовал в военных походах ^сАл̄'аддаули, не оставляя и научных занятий. Он неудачно занимался самолечением, применяя в **больших** дозах лекарства и медицинские процедуры, а один из проворовавшихся слуг подсыпал ему однажды опкума с целью отравить и избавиться от наказания. Во время очередного похода Ибн Сина окончательно слег в Хамадане, ослабел настолько, что не мог уже лечить себя, и повторял: "Врачеватель, меня лечивший, бессилен лечить, теперь ничто не поможет". Через несколько дней он умер в возрасте 58 (лунных) лет в 428/1037 г.⁵⁸ и был похоронен в том самом Хамадане, из которого ему с трудом удалось бежать за 14 лет перед тем. Один незадачливый рифмоплет скаламбурил по поводу смерти Ибн Сины: Умер Абӯ ^сАл̄, и не исцелило его "Исцеление" и не спасло его "Спасение", намекая на названия двух его книг.

Итак, мы обозрели жизненный путь Ибн Сины, в различные отрезки которого укладываются более или менее точно 52 его сочинения, сохранившиеся целиком или частично в рукописях, и около десятка недошедших до нас сочинений. По отношению к общему числу сочинений Ибн Сины, известных по рукописям (у Махдави их насчитывается 131) и по упоминаниям (около 70 наименований), это значительно меньше половины. Существенно, однако, что удается уста-

новить время, место и обстоятельства создания всех главных трудов Ибн Сины.

Усилия в этом направлении могут быть продолжены. Есть еще несколько сочинений, где в названии или вводных словах называются конкретные лица, которые не идентифицированы, либо встречаются намеки. Установление этих лиц при более тщательном исследовании помогло бы полнее раскрыть личные связи Ибн Сины и датировать сами сочинения. Например, "Трактат о /лечебном напитке/ саканджабине" начинается обращением: "Ты спросил меня, Абӯ Са'ид" (Махдави, № 81); "Семь маджлисов Шейха с ал-'Амири" (Махдави, № 107) в названии упоминает неизвестного человека; "Суммарно о некоторых доводах, доказывающих вечность наделенной речью души" (Махдави, № 52) начинается словами "Спросил один из предводителей (ру'асā'), следуя помыслам своим высоким и душе благородной..."; "Трактат об определении тела" (Махдави, № 56) написан по просьбе неназванного по имени человека; "Книга дефиниций" (Махдави, № 57) представляет запись устного ответа Ибн Сины на вопрос одного из его друзей, "Трактат о пространстве" содержит ответ на письменный запрос "некоего мутакаллима", ссылавшегося на авторитетные мнения и му'тазилитские сочинения (Махдави, № 129); "Трактат об эдивии" (Махдави, № 131) продиктован в ответ на просьбу неизвестного лица. Не знаем мы и имени того "искреннего друга", по чьей настойчивой просьбе написан "Канон". За подобными ссылками может стоять заказ на книгу, который был оплачен гонораром, реальные дружеские обязательства или же привычная вводная формула, своего рода литературный штамп.

Однако даже выявление новых подробностей биографии Ибн Сины и датировка большинства или всех его сочинений не приблизят нас к пониманию характера его научного творчества. Для раскрытия содержания трудов Ибн Сины в качестве первого шага необходимо рассмотреть их в иной плоскости, сгруппировав предметно-тематически. При этом должны найти свое место недатированные и несохранившиеся сочинения, следовательно, неизбежны утомительные перечисления и некоторые повторения.

I. Философия.

Главным предметом занятий Ибн Сины в течение всей его жизни, как мы отчасти видели, была философия. В средние века философия претендовала на роль универсальной и энциклопедической науки, включая в себя и те отрасли знания, которые позднее отпочковались от нее и обрели самостоятельность. Для того, чтобы представить

чем была философия, или мудрость, для Ибн Сины, рассмотрим вначале структуру основного его труда, "Книги исцеления (от невежества или жажды знания)" - Китāб аш-шифā', или просто аш-Шифā'.

Она состоит из четырех крупных разделов, названных джумла, т.е. "сумма": (1) Логика, **ал-Мантик**, (2) Физика, по-арабски ат-Табī'ийāt, что можно перевести приблизительно "естествознание", (3) Пропедевтика, ат-Та'лимийāt, или Математика, ар-Рийādийāt, (4) Метафизика, или Божественные науки, ал-Илāхийāt.

Раздел логики начинается с общего введения в философию, или в науку вообще, которое и составляет его первую главу (по-арабски фанн). Далее следуют 8 фаннов (со 2-го по 9-й), которые имеют свои названия и делятся на разное число "статей" (макāла), в свою очередь складывающихся из "параграфов", или "отделов" (фасл).

1. Логика.

Фанн 2 0 категориях (ал-макūлāt) из 7 статей (по 7,5,4; 5,6,6,4 фасл).

Фанн 3 Речь о бāрī армīнас, греч. *peri hermeneias* т.е. о высказывании (ал-'ибāра) из 2 статей (по 10 и 5 фасл).

Фанн 4 0 силлогизме (ал-кийās) из 9 статей (по 7,4,5,6,5, 4,6,3,24 фасл).

Фанн 5 0 об аргументе (ал-бурхāн) из 4 статей (по 12,10,9, 10 фасл).

Фанн 6 0 топике (тубйкā), т.е. диспуте, или диалектике (ал-джадал) из 7 статей (по 10,6,4,3,5,1,4 фасл).

Фанн 7 0 софистике (суфистйкā) из 2 статей (по 3 и 6 фасл)

Фанн 8 Об ораторском искусстве (ал-хитāба) из 4 статей (по 7,9,8,5 фасл).

Фанн 9 0 стихе (аш-ши'r, т.е. греческом стихе) из 1 статьи (8 фасл).

2. Физика

Фанн 1 0 природной, или физической, гармонии (ас-самā' ат-таби'ий) из 4 статей (по 15,13,14,15 фасл).

Фанн 2 0 небе и вселенной (ас-самā' ва-л-'āлам) из 1 статьи (10 фасл).

Фанн 3 0 бытии и исчезновении (ал-каун ва-л-фасād) из 1 статьи (15 фасл).

Фанн 4 Об атмосферных явлениях (ал-āsār ал-'уввийā) из 2 статей (по 9 и 2 фасл).

Фанн 5 Охватывает причины бытия существ, лишенных души, как-то минералов и атмосферных явлений, из 2 статей (по 6 и 6 фәсл).

Фанн 6 О душе (ан-нафс) из 5 статей (по 5,5,8,4,8 фәсл).

Фанн 7 О растениях из I статьи (7 фәсл).

Фанн 8 О свойствах животных (фй табайи' ал-хайван) из 19 статей (по 3,2,3,2,2,2,2,4,6,1,1,15,7,9,3,2,1,1,1 фәсл).

3. Пропедевтика, или математика

/Фанн 9/ Книга Евклида (китаб уклядис), или Основы геометрии, из 15 статей (далее не подразделяющихся).

/Фанн 10/ Ал-Маджистй, или краткое изложение (талхис) Книги Птолемея по астрономии, из 14 статей (по 10,8,4,10,10,7,1,2,6,6,6,3,6,1 фәсл), из которых последняя носит название "дополнительной", очевидно, от автора.

/Фанн 11/ Ал-Арисматйкй, т.е. арифметика, в 4 статьях (далее не подразделяемых).

/Фанн 12/ Краткая сводка науки о музыке (джавами' илм ал-мусйкй) из 6 статей (по 4,2,3,1,4,2 фәсл).

4. Метафизика, или божественные науки

Фанн 13 О метафизике, иначе называемой "первой (или высшей) философией", из 10 статей (по 8,4,10,3,7,5,3,7,7,5 фәсл).

Структура книги, как можно видеть, выдержана недостаточно четко: главы 3-го раздела имеют свои заглавия, но не называются фаннами, а в 4-м разделе выясняется, что единственная ее глава названа 13-м фанном, словно бы автор продолжал счет фаннам, начатый еще во 2-м разделе.

Рукописи сочинения многочисленны, всего их около 170, но среди них почти нет полных, в каждой недостает каких-нибудь глав или разделов. Относительно полными можно считать 23 списка. Полная рукопись "Книги исцеления", изготовленная в 601-604/1204-1208 гг., состояла из 25 томов примерно по 200 листов размером 20x16 см (ок. 10 тыс. страниц); от этого экземпляра до наших дней дошли 16 томов. Соотношение разделов книги видно из того, что в нем логика занимала первые 10 томов, физика - следующие 8, математика - тт.19-22, метафизика - последние 3 тома.

В изложенную схему "Книги исцеления" укладывается все, что писал Ибн Сина по философским наукам. Можно считать, что ранние его труды в этой области были подготовительными этапами к созданию "Книги исцеления", а более поздние развивали и повторяли из-

ложенное в ней. Названия многих из них переключаются с названиями разделов, глав и параграфов "Книги исцеления", некоторые построены по такой же или очень похожей схеме.

Почти в точности воспроизведена эта схема в построении "Книги спасения" (Китāб ан-наджāt), которая не является, однако, сокращением "Книги исцеления", как многие полагают; те же темы изложены в ней иначе и короче; в основном она составлена из ранее написанных автором кусков, отчасти составительскую работу выполнил ал-Джузджанī. Она включает предисловие и 4 раздела (қисма), которые делятся на ряд фәәл; у Махдави учтены 11 полных списков, без раздела математики - 23 (в их число входит рукопись 465-466/1072-1073 гг., самая древняя по дате среди рукописей всех трудов Ибн Сины), и еще 7 списков отдельных частей. Также все 4 раздела содержит персидская Дāншиш-нāма, отличие которой заключается лишь в выделении раздела метафизики, обычно идущего последним, перед физикой.

По три раздела, логики, физики и метафизики, имеют "Арудиева мудрость" (ал-Хикма-л-'арудийа),⁵⁹ "Книга указаний и замечаний" (Китāб ал-ишārāt ва-т-танбīхāt),⁶⁰ небольшая "Книга верного пути" (Китāб ал-хидāйа)⁶¹ и кратчайшая "Книга источников мудрости" (Китāб 'у'дун ал-хикма).⁶² Два раздела, физики и метафизики, включает "Книга начала и возврата к исходу" (Китāб ал-мабда' ва-л-ма'ād).⁶³ Столь же энциклопедичны по содержанию как "Книга исцеления", но бессистемны фрагментарно сохранившиеся "Восточная мудрость" (ал-Хикма ал-машриқийа, или Мантик ал-машриқийин), "Комментарии" (ат-Та'лиқāt), "Книга справедливости" (Китāб ал-инсāф), "Диалоги" и недошедшие до нас "Дополнения" (ал-Лавāхик).

1. Сочинения по логике.

Напомним, что логике Ибн Сина учился в юном возрасте и еще в Бухаре написал по ней раздел для "Арудиевой мудрости", в Гургандже - трактат "Разъяснение направленных посылок" (Байāн завāt ал-джиха)⁶⁴ и "Поэму о логике" (Урджӯза фӣ 'илм ал-мантик)⁶⁵. Вопросы логики обсуждаются в 1-м и 6-м ответах Абӯ Са'иду Мейхрнейскому, в письме к багдадским ученым по поводу неправомерных притязаний хамаданца, в полемике вокруг "Среднего компендия по логике" (ал-Мухтасар ал-аусат фӣ-л-мантик)⁶⁶; в 1022 г. Ибн Сина начал работать над разделом логики "Книги исцеления" и в следующем году закончил его; в том же 1023 г. он написал соответствующий раздел "Книги верного пути". В Исфахане он по-персидски из-

ложил в разделе логики примерно то же, что включил в 1032 г. в "Книгу спасения", а этот раздел в последнем скомпонован из упомянутого "Среднего компендия" и параграфов "'Арудиевой мудрости" о логических ошибках (софизмах). Частные вопросы логики затрагиваются в "Книге справедливости", "Комментариях", "Дополнениях", "Диалогах" и "Возражении" Абū-л-Фараджу ибн ат-Таййибу. От "Восточной мудрости" сохранились только отрывки по логике, в "Книге указаний и замечаний" дано сжатое изложение логики по "Книге исцеления", в "Компендии по основам логики" (ар-Рисāла-л-мūdжиза фй усūл ал-мантик)⁶⁷ предмет изложен по "Эйсагоге" Порфирия Тирского и сюда же добавлен отрывок из "'Арудиевой мудрости".

Кроме того, в рукописях представлен ряд не поддающихся датировке и не упоминавшихся выше произведений по логике: "Трактат о делении рациональных наук" (Рисāла фй аксām ал-удūм ал-ак-лийа)⁶⁸; "Малый компендий по логике" (ал-мūdжиз ас-сагīр фй-л-мантик),⁶⁹ "Статья о проверке спорного места" (Макāла фй та-аккуб ал-мауди ал-джадалī);⁷⁰ "Ошибка того, кто утверждает, что количество есть субстанция" (Хата ман қал анна-л-камййа джаухар) и другое кратенькое сочинение со сходным названием⁷¹ кажутся фрагментами из "Книги исцеления"; "Виды суждений" (Анвā ал-қадāййа);⁷² "Радость по логике" (ал-Бахджа фй-л-мантик);⁷³ "Логика в сжатом изложении" (ал-Мантик ал-мūdжиз);⁷⁴ "Тонкие вопросы логики" (ан-Нукат фй-л-мантик).⁷⁵

По упоминаниям известны: "Диктовка по логике" (ал-Имля фй-л-мантик), "Комментарии по логике" (Та'ālīк фй-л-мантик), "Спор, прибавленный к Средней книге" (ал-Джадал ал-мулхак би-ки-таб ал-аусат), "Назначение категорий" (Тарад катигурийас), "Понятия в логике" (ал-Ма'āни фй-л-мантик), "Книга /семи/ постулатов" (ал-Муктадайāt /ас-саб' /), "Большой компендий по логике" (ал-мūdжиз ал-кабīр фй-л-мантик). Не исключено, что эти сочинения идентичны каким-либо из тех, что названы выше и представлены в рукописях.

"Аристотель впервые открыл существование схем рассуждения, схем умозаключения и тем самым положил начало науке, названной позже формальной логикой".⁷⁶ Большой поклонник и последователь Аристотеля Ибн Сина в полной мере овладел этой наукой, поскольку она была доступна на арабском языке в переводах IX-X вв., сделанных в Багдаде, и в изложении ал-Фарабī и других авторов. Ему или иным его современникам не было смысла или нужды изобретать что-либо новое в этой области, но Ибн Сина очень гордился своим глубоким пониманием этого предмета и неустанно популяризировал

логику, обнаруживая даже среди самых ученых людей своей эпохи недостаточное ее знание. Из рассмотрения перечня трудов Ибн Сины по логике, насчитывающего около 30 названий, становится совершенно очевидным, что одни и те же вопросы в одинаковом понимании он излагал многократно, в разных целях и по разным поводам, более сжато или расширенно, с более или менее развернутой аргументацией. Иногда он не только по существу, но и текстуально повторял самого себя. Кроме фундаментального раздела логики в "Книге исцеления", занимающего две пятых ее объема, самостоятельное значение имеют, можно думать, соответствующие места "Восточной мудрости", "Книги указаний и замечаний", Дәниш-нама из-за персидской терминологии, некоторые полемические трактаты и письма.

2. Сочинения по физике

Сочинения Ибн Сины, содержащие разделы физики, были названы выше (с. 50–52). Среди остальных четко выделяется группа, связанная с проблематикой 6-й главы (фәни) "Книги исцеления", поэтому рассмотрим ее отдельно.

Ряд вопросов физики (как ее понимали в аристотелевой традиции) обсуждается в полемической переписке с ал-Бирүни (997 г.), в "Ответах на 10 вопросов" (Джурджан), в 10-м ответе Абү Са'иду (1011 г.), "Письме к ученым Багдада" (Хамадан), "Ответах на вопросы" о субстанциональном характере огня (ок. 1036 г.).

Помимо них, среди недатируемых сочинений Ибн Сины с разными главами и параграфами 2-го раздела "Книги исцеления" сопоставимы "Причины атмосферных явлений" (Асбәб ал-әсәр ал-әулвйя),⁷⁷ "Трактат о причинах грома и молнии" (Рисәлә фй зикр асбәб ар-ра'д ва-л-барк),⁷⁸ "Трактат о субстанции небесных тел" (Рисәлә фй джаухар ал-аджрәм ас-самәвийя),⁷⁹ "Трактат об определении тела" (Рисәлә фй хадд ал-джисм),⁸⁰ "Трактат о различии между природным и внешним теплом" (Рисәлә фй-л-фарк байн ал-харәра-л-гарйзийя ва-л-гарйба),⁸¹ "Трактат о пространстве" (Рисәлә фй-л-вус'а),⁸² "Ответы на 12 вопросов"⁸³ и "Ответы на 25 вопросов".⁸⁴

Из числа несохранившихся, известных лишь по названиям произведений Ибн Сины к физике относятся еще два: "О том, что расстояния не присущи телам сущностно" (Фй анна аб'әд ал-джисм гайр зәтйя лах) и "Расчленение на части" (Таджзй' ал-аксәм).

К теме 6-й главы "О душе" Ибн Сина обращался многократно, начиная с "Книги о душе в кратком изложении" (Китәб ан-нафс 'алә суннат ал-ихтисәр),⁸⁵ написанной еще в Бухаре; ее касаются "От-

веты" на 2-й, 3-й и 5-й вопросы Абӯ Са'ида, "Трактат о душе, изложенный доказательно и аргументированно" (Рисāла фй-н-нафс 'алā тарйк ад-далйл ва-л-бурхан)⁸⁶ (Рей), "Трактат о душе, наде-ленной речью" (Рисāла фй-л-калām 'алā-н-нафс ан-натика)⁸⁷ и "Расхождения людей относительно души и разума" (Ихтиляф ан-нас фй амр ан-нафс ва амр ал-'акл);⁸⁸ два последних написаны в Исфа-хане около 1036 г.

Не удается датировать следующие сочинения на излюбленные Ибн Синой психологические сюжеты: "Ответы на десять вопросов",⁸⁹ "Статья об отторжении форм, существующих в душе" (Махāла фй инфисāх ас-сувар ал-мауджуда фй-н-нафс),⁹⁰ "Суммарно о некоторых доводах, доказывающих вечность наделенной речью души" (ал-Джу-мал мин ал-адилла-л-мухаккака ли-бака' ан-нафс ан-натика).⁹¹ "Два вопроса" (Мас'алатāн),⁹² "О душе" (Фй-н-нафс),⁹³ "Трактат о душе" (Рисāла фй-н-нафс).⁹⁴ Сюда относятся также несохранив-шиеся сочинения: "Комментарии к "Книге о душе" Аристотеля" (Шарх Китāб ан-нафс ли-Аристātālīs), "Силы телесные" (Кувā-л-джисмāнийа), "Споры с Абӯ 'Али ан-Нисāбури о душе" (Мунāзарāt фй-н-нафс ма' Абй 'Али ан-Нисāбӯри), "Душа" (ал-Мухаджа).

3. Сочинения по математике

Математические науки для Ибн Сины и вообще для его эпохи состояли из уклйдис (или усӯл ал-хандаса), ал-маджистй (или 'илм ал-хай'а), ал-арисмāтикй (или 'илм ал-хисāб) и ал-мӯсийкй; причем эти греческие слова разного происхождения приобретали почти терминологическое значение (ср. выше с. 43 и 51).

Вспомним, что арифметику, или счет, Ибн Сина учил сначала у зеленщика Махмуда, евклидову геометрию и птолемееву астроно-мию — у ан-Натили и потом самостоятельно по книгам. На разных этапах научного творчества он обращался к этим наукам лишь спо-радически и писал по ним мало. Главы под приведенными названиями образуют разделы "Книги исцеления", "Книги спасения" и Дāниш-нāма.

Сверх того, к геометрии относятся "Трактат об углах" (Ри-сāла фй-з-зāvийа)⁹⁵ и несохранившиеся "Сокращение уклйдиса" (Мухтасар уклйдис) и "Кратко о том, что угол, образуемый окруж-ностью и касательной, не измерим" (Мухтасар фй анна-з-зāvийата-л-латй мин ал-мухит ва-л-мумāс лā камйа лахā).

Самый ранний трактат по астрономии — "О причине нахождения Земли в ее естественном месте" (Рисāла фй 'илла кийām ал-ард фй хаййизихā)⁹⁶ — написан в Гургандже; правда, в нем есть ссылка

на свое "Объяснение неба и вселенной" (Тафси́р ас-самā' ва-л-а́лам), которое до нас не дошло. В Джурджане составлены "Сокращение части ал-маджиста" (ал-Мухта́сар мин ал-маджист́и) и "Книга общих наблюдений", использованные в других трудах, но отдельно не сохранившиеся. В 1022-1023 гг. из авторских заготовок скомпонованы математические разделы упомянутых выше крупных произведений, причем частично эту работу выполнил ал-Джуза́дджāни. Практическими астрономическими наблюдениями Ибн Сина занимался в Рее и особенно в Исфахане, пользуясь в последнем случае изготовленными по его заказу весьма совершенными инструментами,⁹⁷ и написал сочинение "Астрономические инструменты" (ал-А́лат ар-раса́дйя).⁹⁸ В принадлежности Ибн Сине "Трактата об опровержении астрологии" (Рисāла фй ибтāl ахкām ан-нуджум)⁹⁹ сомневался еще средневековый переписчик, когда копировал с автографа его ученика Ибн Зйль. Только по названиям известны "Свойства линии экватора" (Хавāсс хатт ал-истивā') и "О двух половинах (или сторонах) Луны" (Кайфйя иншикāk ал-камар).

Специальные работы Ибн Сины по арифметике неизвестны, кроме упоминаемой Ибн Абй Усайбй'ой и некоторыми рукописными сборниками "Статьи по арифметике" (Макāла фй-л-арисмāтйкй).

Музыке, как мы знаем из биографии, Ибн Сина уделял часть досуга как слушатель. Помимо того, что вошло в математические разделы трех его книг, упоминается "Введение в искусство музыки" (ал-Мудхал иля синā'а ал-мусйкй).

4. Сочинения по метафизике

Труды Ибн Сины, в которых есть раздел метафизики, были названы выше (с.51-52) следовательно, остается перечислить его малые произведения, затрагивавшие ее тематику; их количество весьма значительно.

Вопросы метафизики обсуждались в "Трактате о любви" (Рисāла фй-л-ашк),¹⁰⁰ "Ответах" Абӯ Са'йду на 4-й, 7-й, 8-й и 9-й вопросы и "Трактате о благах" (Рисāла фй-л-арзāk),¹⁰¹ в полемике с хамаданцем, с Абӯ-л-Кāсимом и с Абӯ-л-Фараджем, в трактате "По случаю праздника жертв о конечном исходе" (ал-Адхавйя фй-л-ма'ād),¹⁰² а также в ряде сочинений, которые не удалось поставить в связь с определенными датами жизни Ибн Сины.

Сюда относятся: "Трактат с опровержением приписываемого ему расхождения с Кораном" (Рисāла фй интифā' ан ма нусйб илайх мин му'арадат ал-Кур'āн),¹⁰³ "Трактат о доказательстве истинности пророческой миссии" (Рисāла фй исбāt ан-нубӯва),¹⁰⁴ "Божествен-

ная жемчужина о единобожии" (ал-Джумана-л-илахйя фй-т-тау-хйд), ¹⁰⁵ "Истины единобожия" (Хака'ик 'илм ат-таухйд), ¹⁰⁶ "Речь о единобожии" (ал-Хутба-т-таухйдийа), ¹⁰⁷ "Божественная эманация" (ал-Файд ал-илахй), ¹⁰⁸ "Трактат о побуждении к постоянному поминанию /бога/" (Рисала фй-л-хасс 'ала-л-иштигал би-з-зикр), ¹⁰⁹ "Трактат об ангелах" (Рисала фй-л-мала'ика), ¹¹⁰ касыда о соединении души с телом, рифмующаяся на букву 'айн, ¹¹¹ "Объяснение **дедуктивных** аргументов по запутанным вопросам" (Йдях баряхин мустанбата фй маса'ил 'авйса) ¹¹² и отрывок из него под отдельным названием "Девственный трактат" (Рисалат ал-'арус), ¹¹³ "Трактат о новом" (Рисала фй-л-хадас), ¹¹⁴ "Книга дефиниций" (Китаб ал-худуд), ¹¹⁵ "Суждение о доводах тех, кто утверждает, что у прошлого есть начало во времени" (ал-Хукума фй худжадж ал-мусобитин ли-л-мадй масба заманй), ¹¹⁶ "Речь" (Хутба), ¹¹⁷ "О молитве" (Фй-д-ду'а'), ¹¹⁸ "Трактат о сущности молитвы" (Рисала фй махйят ас-сала́т), ¹¹⁹ "Обет" (ал-'Ахд), ¹²⁰ "Величайшая молитва" (ал-Вирд ал-'азам), ¹²¹ "Семь бесед Шейха с ал-'Амирий" (ал-Маджалис ас-саб' байн аш-шайх ва-л-'Амирий).

Среди несохранившихся малых трактатов Ибн Сины к метафизике могли относиться "Священная мудрость" (ал-Хикма-л-худсйя), "Субстанция и акциденция" (ал-Джаухар ва-л-'арад), "Смысл истины: приведи им пословицу "жизнь тленная подобна воде" (Ма'на хақйка ва-друб лахум масал ал-хайат ад-дунйа ка-ма'), "Прозрение" (ал-Истибсар), "Вопросы, которые он разъяснил посредством напоминаний" (Маса'ил тарджамаха би-т-тазакир).

Надо отметить, что некоторые из перечисленных здесь сочинений перекликаются по содержанию с теми, которые посвящены вопросам психологии (о душе). В то же время часть из них считаются суфийскими (мистическими) и были популярны у суфиев.

II. Медицина

Другой крупной областью знания, на поприще которой Ибн Сина трудился в течение всей жизни и оставил многочисленные произведения, является медицина. Изучать ее он начал позже других наук, но в автобиографии он говорит только о чтении книг и некоторой врачебной практике, не упоминая своих учителей. Дополнительные сведения дают другие источники. Ибн Абй Усайбий'е было известно, что он учился у Абӯ Мансӯра ал-Хасана ибн Нӯха ал-Қумрий, выдающегося врача своего времени, автора ряда прекрасных книг. Ибн Сина "застал его в преклонном возрасте, посещал его маджлисы, постоянно присутствовал на занятиях и приобретал у него полез-

ные навыки по искусству медицины".¹²² Другим его учителем по медицине был Абӯ Сахл ал-Масъхӣ, с которым, как уже упоминалось, он встретился в Гургандже,¹²³ также автор нескольких полезных книг, написанных к тому же правильным арабским языком, превосходным стилем и отменным почерком. Медицина стала основной профессией Ибн Сины, которая помогала ему неоднократно выдвинуться в придворных кругах. Вопреки утверждению ал-Байхаки¹²⁴ Ибн Сина отнюдь не был первым врачом, который поставил свои знания на службу султану, как раз напротив, в этом он последовал десяткам своих предшественников, биографии которых можно найти, например, у ал-Кифти.

Писать по медицине он начал не сразу. Первое сочинение с замысловатым названием он посвятил своему покровителю в Гургандже везиру ас-Сукалӣ - "Книга об устранении от человеческого тела общих вредных воздействий путем предупреждения ошибочных мер" (Китаб даф' ал-мадәрр ал-куллийа 'ан ал-абдан ал-инсаныйа бй-тадәрук анва' ҳаҗа' ат-тадбир).¹²⁵

В 1012 г. в Джурджане Ибн Сина начал работать над составлением "Канона врачебной науки" (ал-Қанун фй-т-тиб), продолжил ее в Рее и завершил в Хамадане до 1023 г. Пять ее "книг" уместились, по ал-Джузджанӣ, в 14 томах, в русском издании заняли 7 томов.¹²⁶ Этот труд Ибн Сины, прославивший его имя на века не только на Востоке, но и в Европе, стал своего рода медицинской энциклопедией средневековья, благодаря прекрасной организации материала и относительно простого и ясного изложения. Строение "Канона" не раз освещалось по-русски,¹²⁷ поэтому нет необходимости останавливаться на нем здесь. Можно лишь заметить, что прекрасное знание логики позволило Ибн Сине преодолеть хаотичность и несоразмерность частей, обычно присущие большинству медицинских трудов его предшественников. Есть известие¹²⁸ о том, что у Ибн Сины накопилось много данных, почерпнутых из личного врачебного опыта, которые он решил включить в "Канон" и записал в ряде тетрадей; к сожалению, они были утеряны еще до завершения этого труда. В ряде источников можно встретить описание случаев из медицинской практики Ибн Сины (об излечении от головной боли, женщины в Хорезме - от туберкулеза и др.).

Другие сочинения Ибн Сины по медицине занимают по отношению к "Канону" такое же подчиненное положение, как философские - к "Книжке исцеления"; многие из них, весьма вероятно, представляют лишь его фрагменты, либо разработки частных вопросов.

В Хамадане Ибн Сина написал "Статью о сердечных лекарствах" (Макалат ал-адвийа-л-калбийа),¹²⁹ к 1023 г. относится "Книга о коликах" (Китаб ал-куландж),¹³⁰ в Исфахане эмиру 'Алā'аддауле он преподнес "Статью о пульсе" (Макала фй-н-набд), единственное свое периодское сочинение по медицине,¹³¹ там же позднее написаны "Поэма о медицине" (Урджуза фй-т-тибб)¹³² и "Трактат о половой потенции" (Рисāла фй-л-бāх),¹³³ который продолжил серию аналогичных сочинений под таким названием на арабском языке, восходящих к переводам с греческого. Любопытно в этой связи сообщение ал-Джūзаджāнй, которое современные исследователи обходят из ложной стыдливости: "Шейх был силен всеми /природными/ силами, а половая сила среди чувственных его сил была мощной и преобладающей; он часто приводил ее в действие практически, это повлияло на его здоровье (букв. смесь, темперамент), а Шейх **полагался** на **крепость** своего здоровья".¹³⁴

И ниже, после рассказа о болезни Ибн Сины и неудачном самолечении: "Вместе с тем, он не берег себя и чрезмерно усердствовал в смешанных половых сношениях, поэтому не мог полностью оправиться от болезни, снова и снова заболел и выздоравливал".

Кроме названных, ряд медицинских сочинений сохранился в рукописях; в большинстве они не вошли в перечни трудов Ибн Сины. Поэмы (урджузы) на разные темы: о том, как беречь здоровье,¹³⁵ о четырех временах года,¹³⁶ об анатомическом вскрытии,¹³⁷ о заветах Гиппократа,¹³⁸ о медицинской практике,¹³⁹ о врачебных советах;¹⁴⁰ "Виды пищи и лекарств" (ал-Агзийа ва-л-адвийа),¹⁴¹ "Лечение поллюции" (Тадбир сайалāн ал-минā),¹⁴² "Трактат о мерах в пути" (Рисāла фй тадбир ал-мусāфирйн),¹⁴³ "Трактат о меланхолии и ее причинах" (Рисāла фй-л-хизн ва асбāбих),¹⁴⁴ "Трактат о гигиене" (Рисāла фй хифз ас-сихха),¹⁴⁵ "Статья о тучности" (Макала фй хисб ал-бадан),¹⁴⁶ "Празило для врача" (Дастūr тиббй),¹⁴⁷ "Возражение на статью Абū-л-Фараджа ибн Абй Са'йда ал-Йамāmй" (ар-Рауд алā макалат аш-шайх Абй-л-Фарадж ибн Абй Са'ид ал-Йамāmй),¹⁴⁸ "Трактат о саканджабине" (Рисāла фй-с-саканджабйн),¹⁴⁹ "Книга об уходе за телом, достоинствах, пользе и вреде вина" (Китаб сийāсат ал-бадан ва фадā'ил аш-шарāб ва манāфи'их ва мадāррих),¹⁵⁰ "Трактат о кровопускании" (Рисāла фй-л-фасд),¹⁵¹ "Главы по медицине, записанные при беседе с Шейхом Абū 'Алй Сйнā" (Фусūл тиббйя мустафāда мин маджлис ан назар ли-ш-шайх Абй 'Алй Сйнā),¹⁵² "Вопросы Хунайна" (Масā'ил Хунайн),¹⁵³ "Дозы приема простых лекарств и их вред" (Макадир аш-шурубāt мин ал-адвийа ва мадāрруха),¹⁵⁴ "Трактат об эндивии"

Только по упоминаниям известны: "Комментарии, которые написал Абӯ-л-Фарадж ал-Хамадāнī, врач, при беседе с ним, и его ответы" (Та'лиқāt истафāдахā...), "Поношение жующего кал" (Зам мадиғ ал-харā), "Питие вина спорно" (аш-Шарāб мадждӯл), "Медицинские каноны и рекомендации" (Кавāнīн ва му'āладжāt тибобйā), "Несколько медицинских вопросов" (Масā'ил 'ида тибобйā).

III. Коран, фикх, этика, политика

В детстве Ибн Сина изучал Коран примерно с 6 до 10 лет, а фикх — потом, под руководством Исма'йла Благочестивца. В Бухаре с ним дружил факих Абӯ 'Абдаллāх ал-Ма'сӯмī, в Гургандже он носил одежду факихов и их отличительный головной убор, добрые отношения связывали его с семьей Абӯ Бакра ал-Бағзакī, факиха и аскета. Однако сочинений, связанных с Кораном и фикхом, у Ибн Сины мало.

В автобиографии он упоминает, что для ал-Барақī он написал 20-томный труд по фикху "Книга итога и достигнутого" (Китāб ал-хāсил ва-л-махсӯл), который не мог быть ничем иным, кроме компиляции. Тогда же он написал двухтомную "Книгу добродетели и греха" (Китāб ал-бирр ва-л-исм), из которой сохранились лишь отрывки; не исключено, что "Божественная эманация" (ал-Файд ал-иллāхī), носящая в ряде списков то же самое название, представляет его отрывок, как и "Трактат об этике" (Рисāла фй-л-ақлāк),¹⁵⁶ в котором перечисляются хорошие и дурные нравственные качества человека.

Ибн Сине приписывают "Комментарии" (тафсīр) к трем последним сурам (II2-II4) Корана, имевшие хождение в большом количестве поздних списков,¹⁵⁷ и небольшой сборник передававшихся им хадисов,¹⁵⁸ а также наставления (Калām аш-шайх фй-л-мавā'из)¹⁵⁹ и изречения (калимāt, или ақвāl).¹⁶⁰

С фикхом и этикой связаны небольшие трактаты "О поведении" (Фй-с-сийāса)¹⁶¹ и "Об употреблении благовоний" (Фй-т-тйб).¹⁶²

Опыт службы Ибн Сины в качестве везира и врача отражают его советы по "Устройству войскового лагеря" (Тадбīр манзил ал-аскар).¹⁶³ Такого же характера были, наверное, несохранившиеся "Организация войскового округа, мамлюков, войск, их жалованья и государева хараджа" (Тадбīр ал-джуңд ва-л-мамālīк ва-л-асāкир ва арзāқиҳим ва харāдж ал-малик) и "Устройство лагеря" (Тадбīр ал-манзил); очень похоже, что все три названия отражают одно сочинение.

IV. География

В одном из своих сочинений Ибн Сина упоминает "Пути и области земли" (ал-Масāлик ва бика'ал-ард), географическое сочинение, которое до нас не дошло, хотя ясно, что география не входила в круг постоянных интересов Ибн Сины.

V. Окультизм

Популярный образ Ибн Сины как философа-рационалиста и врача, казалось бы, исключает всякую его причастность к **окультизму** или занятиям. Однако едва ли их избежал хоть один серьезный средневековый ученый в области естественных наук. Безусловно Ибн Сине принадлежат три или больше сочинений в этом жанре. Полезно вспомнить также, что народная молва на Востоке приписывала Ибн Сине всякие чудеса, главным образом как лекарю-исцелителю и всезнающему мудрецу.

Небольшой алхимический "Трактат о /тайном/ искусстве для Абӯ 'Абдаллāха ал-Баракī" (Risāla fī-s-san'a ilā imām...) ¹⁶⁴ написан в Бухаре до 1005 г. Другое аналогичное сочинение создано в Гургандже - "Трактат о сокровенном искусстве" (Risāla fī amr mastūr as-san'a). ¹⁶⁵ Ю. Руска доказывал, что сочинение ложно приписано Ибн Сине, однако Ахмед Атеш, осуществивший его критическое издание, продемонстрировал слабость его доводов и предвзятость мнения. ¹⁶⁶ Ко времени жизни в Хамадане относится "Новогодний трактат" (ar-Risāla-n-nayrūzīya), ¹⁶⁷ в котором разъясняется значение таинственных букв, стоящих в начале некоторых сур Корана, и указывается на их мистическую связь с различными видами существ в мире.

В рукописях представлены также "Толкование снов" (Ta'bir ar-ru'yā) ¹⁶⁸ и "Трактат о фокусах" (Risālat an-nīrandjāt); ¹⁶⁹ оба отражают традиционные для арабско-мусульманской оккультной "науки" сюжеты и их принадлежность перу Ибн Сины остается спорной.

VI. Филология

Курс словесных наук, охватывающий все разделы арабской филологии, Ибн Сина прошел в молодые годы в Бухаре как обязательный элемент тогдашнего образования. Его разностороннему творчеству не была чужда и эта тематика. Еще в 17 лет он написал "Прибежище поэтов по метрике" (Mu'tasam ash-shu'arā' fī-l-'arūd). ¹⁷⁰ Выше был приведен эпизод его общения в Исфохане в 1023-1025 гг. с филологом Абӯ Мансӯром ибн ал-Джаббāном, в резу-

льтате чего им был создан словарь, сохранившийся фрагмент которого¹⁷¹ показывает, что он был несколько необычным и носил скорее терминологический характер. Посвященный тому же лицу трактат "Причины образования звуков" (Асбāб хуḍūs ал-хурӯф) известен в двух вариантах.¹⁷² Недошедшее до нас "Объяснение сущности звуков" (Тафйин мā'ййат ал-хурӯф), видимо, является названием одного из вариантов текста. Поздние источники упоминают еще "Тонкие /наблюдения/ по грамматике" (ал-Мулах фй-н-нахв) и "О стихе" (Фй-ш-ши'р). Не исключено, что первый назван по недоразумению (склонности к грамматике Ибн Сина не имел), а под вторым имеется в виду отрывок из сочинения по логике, где речь идет о греческом стихе (ср. выше, с.47).

УП. Поэзия и проза

Литературные произведения Ибн Сины представлены философской прозой и арабскими и персидскими стихами. К прозе можно отнести аллегорическое рассуждение о Хайе ибн Йакзāне (Живом, сыне Бодрствующего)¹⁷³ и "Трактат о птицах" (Рисāлат ат-тайр),¹⁷⁴ написанные в 1023 г.; появившееся немногим позднее "О решении и предопределении" (Фй-л-кадā' ва-л-кадар);¹⁷⁵ существующие в рукописях "Речь о вине" (Хутба фй-л-хамр)¹⁷⁶ и "Наставления мудрецов Александру" (Насā'их ал-хукамā' ли-л-Искандар).¹⁷⁷

В перечнях сочинений Ибн Сины упоминаются его книги в стиле прозаиков Ибн ал-'Амйда, ас-Сāбй и ас-Сāхйба, "Дружеские султанские послания" (Расā'ил ихвāнийя султāнийя), прочие "послания" по-арабски и по-персидски, речи и шуточные сочинения (хазлийāt), "О яблоке" (Фй-т-туффāх), "Книга с описанием безденежья /или торжества/ 'Адудаддаули" (Китāб йūsиф тафар (/зафар?/) ал-амйр 'Адудаддаула), "Каковы спящие отроки" (Кайфййат асхаб ал-кахф), "Жаджа черни по отношению к жителям крепостей" (Хамадж ар-ри'ā' илā сāкин ал-қилā'); все они не сохранились.

Стихом Ибн Сина владел вполне. Об этом свидетельствуют, например, его версифицированные сочинения по логике и медицине, упоминаемые и цитируемые биографами касыды. Его персидские четверостишия перекликаются с четверостишиями Омара Хайяма и принадлежат к числу "странствующих", доказать или отвергнуть их подлинность затруднительно; то же следует сказать о некоторых его арабских стихах.

Ученики Ибн Сины

Совокупный объем научно-литературной продукции Ибн Сины

очень велик и сохранению ее для следующих поколений во многом способствовали его ученики.

Примерно с 32-летнего возраста при нем находился Абӯ ‘Убайд ‘Абдалвāхид ал-Джӯзаджāнī, "который принадлежал к интимному кругу Абӯ ‘Али, был завсегдаем его маджлисов, сотрапезником и слугой", помогал ему в трудах, комментировал его сочинения и сам писал кое-что по-персидски, хотя "не было среди учеников Абӯ ‘Али менее способного (или знающего), чем он", и в его окружении находился скорее "как послушник, не как приобретающий знания ученик".¹⁷⁸ Однако именно ему диктовал некоторые свои труды Ибн Сина и именно он оставил ценное жизнеописание учителя, без которого мы знали бы о нем значительно меньше.

Еще по Бухаре другом Ибн Сины был Абӯ ‘Абдаллāх ал-Ма‘сӯмī, о котором он будто бы сказал: "Он при мне на положении Аристотеля при Платоне".¹⁷⁹ Но после Бухары его общение с Ибн Синой не прослеживается, хотя тот же ал-Байхакī пишет (возможно, что по недоразумению), будто он присутствовал на занятиях в Хамадане.¹⁸⁰

Одним из талантливых и доверенных учеников Ибн Сины считался Абӯ Мансӯр ал-Хусайн ибн Тāхир ибн Зейла (или Зайла), который умер молодым, ненадолго пережив учителя, в 440/1048 г. Происходил он из Исфахана, придерживался, может быть, зороастризма, был знатоком математики и искусным музыкантом, сокращенно изложил раздел физики из "Книги исцеления", комментировал трактат о Хайе ибн Йакзāне и писал труды в духе своего учителя.¹⁸¹ Рукопись одного из трудов Ибн Сины дошла в копии с автографа Ибн Зейлы; некоторые письма к нему и беседы с ним вошли в состав "Диалогов".

Учеником Ибн Сины также в последний, исфаханский, период жизни был Бахманīār, прозванный "философом"; происходил он из Азербайджана, придерживался зороастрийской веры и плохо владел арабским языком,¹⁸² что не помешало ему написать ряд трудов на этом языке. Он выступает основным собеседником и адресатом в "Диалогах" Ибн Сины, по-видимому, он же собрал и составил их. Два сочинения Ибн Сины дошли в копиях с автографа Бахманīāра (ум. в 458/1065-66 г.). Он был, кажется, единственным, кто в свою очередь оставил прямого ученика, Абӯ-л-‘Аббāса ал-Лукарī, "от которого распространились философские науки в Хорасане".¹⁸³

В области медицины учениками Ибн Сины объявляли себя многие врачи, например, Абӯ-л-Кāсим ‘Абдаррахмāн ибн ‘Али ибн Ахмād ибн Абī Сāдик ан-Найсāбӯрī,¹⁸⁴ Абӯ ‘Абдаллāх Мухаммад ибн Йӯсуф ал-Илāкī¹⁸⁵ и др.

Все же из окружения Ибн Сины не выросло отдельной научной школы. Было много людей, которые считали себя его последователями, высоко его чтли, с симпатией о нем отзывались (Омар Хайям, Фахр-ад-дин ар-Разй и др.), но влияние это было чисто книжное. Про одного поклонника Ибн Сины сообщают, что он помнил науку (!) логику, физику и метафизику из "Книги исцеления",¹⁸⁶ а другой зарабатывал себе на жизнь перепиской книг и продавал собственные копии того же сочинения по сто динаров.¹⁸⁷

Пытаться проследить кто, когда и где переписывал сочинения Ибн Сины – задача самостоятельного исследования, которое станет выполнимым лишь после того, как будет собран археографический материал на более широкой основе, чем это сделал Й.Махдави, с привлечением всех печатных каталогов арабских рукописей и максимально возможным ознакомлением с самими рукописями.

Другая ожидающая разработки тема – не просто учет комментаторов Ибн Сины, а выяснение содержания и направленности их комментариев, изучение споров вокруг его наследия, влияния его книг и идей на многие поколения ученых в разных странах Востока.

Наиболее сложная задача заключается в оценке научного вклада и заслуг Ибн Сины. В самой общей форме это сделал свыше 40 лет назад видный советский арабист и семитолог А.Я.Борисов: "Авиценна имел крупных предшественников, наследие которых было им полностью воспринято. От них он не отличался ни точкой зрения на врачебную практику, ни теоретическим или практическим методом, ни основной эрудицией; но, основываясь на их трудах, он смог суммировать арабскую медицину с завершающей полнотой. В этом именно и заключается его заслуга перед арабской культурой, а вместе с этим – и перед культурой человечества. Его колоссальный "Канон", как стройный купол венчает собою двухвековое здание арабской медицины, и ни одна из позднейших пристроек не смогла подняться выше этого купола".¹⁸⁸ При этом А.Я.Борисов справедливо оговаривает, что он имеет в виду средневековую культуру мусульманских стран, которая является арабской (разрядка принадлежит А.Я.Борисову) лишь по своему литературному языку.¹⁸⁹

"Об арабской философии – продолжает А.Я.Борисов, – следует сказать то же, что было сказано об арабской медицине: в своей основе она является продолжением античной традиции и не только по материалу, но и по главной своей тенденции. Античная философия пришла к арабам тем же путем, что и медицина, и культивировалась преимущественно теми же лицами, так как тогда врач и

философ, как правило, совмещались в одном лице, причем к этим двум наукам нередко присоединялись еще астрономия и математика".¹⁹⁰ "Авиценна... примкнул к своим предшественникам, образовав очередное звено в цепи общего развития философии на мусульманском Востоке, ... придал арабской философии законченное выражение, завершив двухвековой процесс ее развития".¹⁹¹

"Три основных предпосылки" философии Авиценны, "три принципа, на которых покоится вся ее система", "суть: рационализм, психологизм и статический формализм. Рационализм пытался в законах человеческого ума, понимаемых как извечно-данные, найти ключ к постижению законов бытия", "психологизм шел в этом направлении еще дальше, прямо подменяя категории объективного мира категориями человеческой психики и находя во вселенной "разум" и "душу" - в том самом смысле, в каком эти понятия существовали в тогдашней психологии; наконец, статический формализм, как основной принцип аристотелевской логики, пронизывал насквозь все миропонимание".¹⁹²

"Философия Авиценны... ставит своей целью постижение всей полноты бытия. А так как бытие... состоит либо из духовного, либо из телесного, либо из материального, то и философия разделяется на три части - на метафизику, физику и логику, из коих первая изучает духовные, лишённые материи сущности, вторая - материальные вещи и третья - абстрагируемые от материи понятия, т.е. явления интеллектуального порядка".¹⁹³

Для того, чтобы конкретизировать, уточнить и в чем-то, может быть, пересмотреть приведенные оценки и суждения, которые мне представляются удачно сформулированными и вполне обоснованными, необходимы новые специальные изыскания, которые может предпринять только историк философии и историк науки. Нуждаются, в частности, в проверке утверждения ал-Джузджани о том вкладе и дополнениях, которые сделал Ибн Сина в области астрономии, геометрии, арифметики и музыки (см. выше, с.43); они подкреплены и собственными высказываниями автора в предисловии к его "Книге исцеления". Особенно существенным было бы проследить все расхождения Ибн Сины с учением Аристотеля, о которых он многократно заявляет в различных своих трудах. Частично, применительно к метафизике, это уже сделано Парвизом Мореvidжем,¹⁹⁴ который показал также, что Ибн Сина нередко отходит от мусульманских концепций. Философские воззрения Ибн Сины стали в последнее время предметом плодотворных исследований известного

специалиста по арабской философии А.В.Сагадеева (Москва, ИНИОН АН СССР).

Автор обильно цитированной здесь работы ставил своей целью "показать, что Авиценна принадлежит к числу тех имен, историческая роль которых в умственном развитии Европы, в медицине и философии никогда не может быть забыта".¹⁹⁵ Изучение творческой биографии и научного наследия Ибн Сины представляется еще более важным для понимания средневековой культуры на Востоке, в Иране и Средней Азии, а также показательным в методическом отношении. Основания для этого следующие: редко от какого восточного ученого сохранились автобиографические свидетельства и достоверный рассказ биографа-очевидца, которые позволяют проследить его жизненный путь буквально по годам, иногда по месяцам, узнать его распорядок дня и манеру работать, его учителей и учеников, друзей и врагов; исследователь располагает перечнями его сочинений и рукописными их копиями в достаточном количестве, имеет возможность узнать историю создания многих из них; к тому же речь идет о личности по-настоящему яркой, разносторонней, честолюбивой, работавшей с напряжением своих недолгих сил; мало какому восточному автору удалось обрести столь громкую мировую славу. Наконец, Ибн Сина интересен, поскольку являет собой воплощенное противоречие: вырос на традициях арабской науки и сам стал ее представителем, а ученость его главным образом эллинистическая; по этническому происхождению он принадлежит, вероятно, к предкам современных таджиков, а жил и работал на территории современного Узбекистана и Ирана; он стремился примирить свою философию с исламом, а приобрел репутацию если не безбожника, то сомнительного мусульманина.

¹ *Tatimmat al-hikma of Alī b. Zaid al-Baihaqi*. Ed. by Mohammad Shafi'. Fasc. I - Arabic text. Lahore, 1935 (Panjab University Oriental publications series N° 20), с.38-62. [Далее - ал-Байхаки.] *Ibn al-Qifti's Ta'rih al-hukama'*. Auf Grund der Vorarbeiten Aug. Müller's hrg. von Julius Lippert. Leipzig, 1903, с.413-426. [Далее - ал-Кифти.] *Ibn Abi Useibia*. Hrg. von August Müller. Königsberg, 1884, II, с.2-20. [Далее - Ибн Абй Усайб'а.]

² А.А.Семенов, Абу-Али Ибн-Сина (Авиценна). 2-е изд., Сталинабад, 1953, с.24.

3 Yahya Mahdavi, :Bibliographie d'Ibn Sina. Tehran, 1954. /Перс. титул: / نهرست نسخهای مصنفات ابن سینا، تهران، ۱۳۲۲ /Далее - Махдави/.

4 Ср.: Ю.Н.Завадовский, Абу'Али Ибн Сина (опыт критической биографии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1958.

5 В это второе имя (араб. кунья) был вложен дополнительный намек: у всякого ал-Хусайна, подобно знаменитому тезке Уп в., сын должен носить имя 'Али.

6 Ал-Кифти, с.413.

7 Цитировано у Махдави, с.125, прим.1.

8 Ал-Байхаки, с.22.

9 Ал-Кифти, с.414.

10 Там же, с.415. Заслуживает внимания, как ал-Джузджани характеризует манеру чтения взрослого Ибн Сины, выработанную, наверное, еще в молодости: никогда он не читал книгу подряд, а перелистывал и искал, что пишет автор по сложным проблемам, чтобы поскорее выяснить меру его компетентности и проникновения в предмет (ал-Кифти, с.422; Ибн Абй Усайбий'а, II, с.7)

11 Там же, с.416.

12 Кстати, в цитированном рассказе есть фраза "книги по арабскому языку" (кутуб ал-'арабийя), которую В.В.Бартольд (Сочинения, т.1, М., 1963, с.54) перевел по какому-то недоразумению "книги арабские"; вслед за ним все, кто писали по-русски об Ибн Сине и цитировали это место, повторяли ту фразу в его переводе. Неудачный перевод создавал впечатление, будто в той библиотеке только часть книг в одной из комнат была на арабском языке, а остальные - неизвестно на каких других языках.

13 Ал-Байхаки, с.43.

14 Ибн Абй Усайбий'а, II, с.19.

15 П.Г.Булгаков, Жизнь и труды Беруни, Ташкент, 1972, с.63.

16 Оно существует по меньшей мере в 19 списках, из которых старейший (Лейден, № 1476) датирован 515/1121 годом, издавалось в Иране и Египте; П.Г.Булгаков (там же, с.62) упоминает, что оно было издано в Ташкенте литографским способом с предисловием и переводом на узбекский язык А.Расулева и М.Абдурахманова.

Русский перевод Ю.Н.Завадовского: "Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане", Ташкент, 1962, с.128-162; 2-е изд., 1976, с.240-265.

17 Ал-Кифти, с.417; непонятно какому султану служил тогда Ибн Сина, караханидскому или, может быть, одному из саманидских царевичей.

18 С.Б.Серебряков, Трактат Ибн Сины (Авиценны) о любви. Тбилиси, 1976 (фототипически воспроизведен также текст, который был издан А.Ф.Мереном в 1894 г. в Лейдене).

19 Ал-Кифти, с.416-417.

20 Все 8 его списков находятся в Стамбуле, старейший датирован 579/1183-84 годом.

21 Ал-Кифти, с.417.

22 См. Махдави, с.125, прим.1.

23 Ибн Абй Усайб'а, П, с.19.

24 Там же, I, с.327.

25 Трактат не может относиться к джурджанскому периоду жизни Ибн Сины, если даже считать правдивым рассказ автора XII в. (Низами Арузи Самарканди, Собрание редкостей или Четыре беседы. Перевод с персидского С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной под редакцией А.Н.Болдырева. М., 1963, с.112-115) о том, что Абӯ Сахл ал-Мас'ихи скончался в пути во время песчаной бури в Хорезмской пустыне.

26 Подробнее см. П.Г.Булгаков, Жизнь и труды Беруни, с.119-131.

27 Драматизованный рассказ Низами Арузи (см. выше, прим.25) об ультимативном требовании, предъявленном хорезмшаху Махмудом Газнави через своего посланца, отправить всех находившихся при его дворе ученых в Газну, о тайном бегстве Ибн Сины вместе с Абӯ Сахлем ал-Мас'ихи и т.д., не вызывает доверия и смещением дат (ал-Бируни уехал в Газну не тогда же, а 7 лет спустя), и подробностями о вымышленной встрече Ибн Сины с Кабусом, которого он не застал в живых (ум. в 402/1012 г.)

28 Ал-Кифти, с.417.

29 Махдави, с.125, прим.1.

30 Ал-Шах ар-Ра'ис (букв. "Старейшина" и "Глава") или про-

сто ал-Шайх - почетное прозвище Ибн Сины как ученого, под которым он упоминается во многих рукописях и книгах.

31 Ал-Кифтй, с.417-418.

32 Махдави, с.127-128 (цитата из предисловия к "Книге исцеления").

33 П.Г.Булгаков, Жизнь и труды Беруни, с.74.

34 Низами Арузи, с.109.

35 Ал-Кифтй, с.419.

36 Цитировано у Махдави, с.125, прим.1.

37 Ал-Кифтй, с.419.

38 Ал-Кифтй, с.419-421; Махдави, с.128.

39 Ал-Байхаки, с.33.

40 Ал-Кифтй, с.424.

41 У Махдави учтены 7 списков, из которых один насчитывает 35 страниц.

42 "Диалоги", цитированные у Махдави, с.206.

43 У Махдави учтены 28 рукописей сочинения, старейшая из которых датирована 515/1121-22 годом.

44 "Диалоги", цитированные у Махдави, с.204-206.

45 Ал-Байхаки, с.32-33.

46 Ал-Кифтй, с.419-420. В другом месте, в предисловии к "Книге исцеления" (цитировано у Махдави, с.128), ал-Джүзаджани называет везирскую должность Ибн Сины "горем и утратой надежд" для учеников (которые вместе выразили указанную просьбу), уточняет, что Ибн Сина написал всего ок. 20 листов и прекратил "из-за султанских дел (или распоряжений?)".

47 Ал-Кифтй, с.419-420.

48 Ал-Кифтй, с.421-422.

49 The Irshād al-arīb ilá ma'rifat al-adīb or Dictionary of learned men of Yáqút, ed. by D.S.Margoliouth. Vol.VII, London, 1926, с.45-46.

50 Ал-Байхаки, с.55.

51 Ал-Кифтй, с.424, 3 сн.

52 Иную версию излагает ал-Байхаки (с.55-56): победитель Мас'уд женился на сестре побежденного 'Али' аддаули, Ибн Сина во время переговоров о браке выполнял деликатные поручения своего сюзерена и спас ее честь; разграбление имущества Ибн Сины и исчезновение авторской рукописи "Книги справедливости" и некоторых других его сочинений произошло при взятии Исфахана отрядом курдов во главе с Абӯ Сахлем ал-Хамдави (у ал-Байхаки - ал-Хамдунӣ), действовавшим в качестве "владельца Рея", поставленного Мас'удом; дата не указывается, но исторические хроники помещают это событие под 425/1034 г.

53 Тот же вопрос возникает относительно известия о том, что копию сочинения купил в Исфахана в 545/1150-51 г. 'Азиз-аддин ал-Факрӣ ар-Райханӣ и доставил в Мерв (ал-Байхаки, с.56), и относительно ссылок на него у Шихабалдина Махтӯла ас-Сухравардӣ и Фахралдина ар-Разӣ в XII в.

54 "Диалоги", цитированные у Махдави, с.207-208.

55 В статье про этого философа ал-Байхаки (с.27-33) пишет также: "Шейх Абӯ 'Али ругал его..., может быть из-за взаимной зависти, которая возникает между современниками. А Абӯ-л-Фарадж ... как философ заслуживал полного уважения, ибо вошел в дом мудрости через его врата. У него есть сочинения по логике и другим /наукам/... Он знал румский (латинский?) и греческий языки... Я видел книгу Абӯ-л-Фараджа "О причинах вещей", прочитал ее с пользой для себя и убедился, что он мудрец, однако между ним и Абӯ 'Али - далекое расстояние. А Абӯ 'Али был обидчиком, хулителем... В своих книгах Абӯ 'Али делал выпады против Абӯ-л-Фараджа, тогда как выдающимся мудрецам подобает не ругань, поношение и хула, а утверждение истины; тому же, кто утверждает истину, не надобна хула на сторонников ложного". Ему вторит ал-Кифти (с.223): "Абдаллах ибн ат-Таййиб... философ достойный, начитанный в книгах древних и речениях их, усердный в исследованиях и искании; он занимался комментированием древних книг по логике и отраслям философии, сочиненных Аристотелем, а по медицине - книг Галена..., комментарии он писал исчерпывающие, стремись научить и объяснить, а один притязавший на это искусство даже порицает его за то, что он писал длинно; этим осуждающим был малопонимающий иудей, который вычитал мнение Ибн Сины. Я же и всякий справедливый можем сказать только, что Абӯ-л-Фарадж ибн ат-Таййиб оживил из этих наук то, что исчезло, сделал явным то, что сокрыто, и учениками его были люди, которые главенство-

вали /в науке/ и принесли пользу, в их числе ал-Мухтār ибн ал-Хасан ибн 'Абдун, известный как Ибн Бутлāн".

56 Ал-Кифтī, с.407.

57 Низами Арузи, Собрание редкостей, с.II9.

58 Ал-Кифтī, с.425-426.

59 **Сочинение** сохранилось в единственном дефектном списке, копированном с автографа примерно в УЦ/ХШ в. (Упсала, № 364, 84 л.): Махдави, № 62.

60 Сочинение многократно переписывали и комментировали, текст издан.

61 Существует в единственном списке, насчитывающем 23 страницы: Махдави, № I30.

62 Из I4 списков сочинения, учтенных у Махдави (№ 93) один представляет копию с автографа Бахманйāра и датирован 588/II92 г.

63 Она состоит из трех "статей", подразделяемых на 83 фāсл; у Махдави (№ I06) учтено много списков, из коих один занимает 50 листов, а старейший писан в 580/II85 г.

64 Сохранился в одном списке, насчитывающем 38 страниц: Махдави, № 42.

65 у Махдави (№ 22) учтено I2 списков, в их числе список 5I5/II2I-22 г.

66 Старейший из 4 учтенных Махдави (№ I08) **списков** датирован 528/II33-II34 г. и насчитывает I34 л.

67 Делится на 2 мақāла и I бāб; у Махдави (№ II6) учтены 3 списка, из которых старейший копирован с автографа Бахманйāра в 588/II92 г. и насчитывает 48 страниц.

68 Многие сочинения Ибн Сины, особенно малые трактаты, имеют по 2-5 вариантов заглавия. Здесь приводятся только те, которые й.Махдави принял за основные, в редких случаях - варианты. В частности, это сочинение имеет еще два варианта заглавия, его списки многочисленны: Махдави, № 32; вопрос о делении наук рассматривается также во вводных параграфах главы о логике "Книги исцеления", "Восточной мудрости" и Дāниш-нāма.

69 Из двух списков сочинения один датирован 588/II92 г. и занимает I7 страниц: Махдави, № II5; добавив 3 фāсл к его главе об аргументе, Ибн Сина составил раздел логики своей "Книги источников мудрости".

- 70 Махдави, № 48: 9 списков, в одном из них 12 страниц.
- 71 Махдави, № 67-68.
- 72 Состоит из 7 стихотворных строк: Махдави, № 37.
- 73 Сохранилось в I списке на 26 страницах: Махдави, № 41.
- 74 Один из 5 учтенных у Махдави (№ II4) списков занимает 41 страницу.
- 75 Махдави, № 125: 3 списка, из которых один насчитывает 3 страницы.
- 76 З.Н.Микеладзе, Основоположения логики Аристотеля, /в кн.:/ Аристотель, Сочинения в четырех томах, т.2, М., 1978, с.44.
- 77 Принадлежность сочинения Ибн Сине подкреплена слабо, у Махдави (№ 24) учтены 3 списка, один из которых занимает 4 страницы.
- 78 Известен в 8 поздних списках (Махдави, № 26), в хайде-рабадском издании уместился на 5 страницах.
- 79 Сочинение делится на 6 фәсл, в издании заняло 14 страниц, старейший из множества списков датирован 588/II92 г.
- 80 Старейший из 10 списков, учтенных у Махдави (№ 56), датирован 515/II21-22 г. и занимает 11 страниц.
- 81 Махдави, № 94: 8 списков, в одном текст уместился на 2 стр.
- 82 Иначе: Рисāла фй̄-л-фадā'. Махдави, (№ 129) учел 9 списков, из **которых** один занимает 8 страниц.
- 83 Текст известен только в одном **позднем** списке: Махдави, № 9.
- 84 Старейший из 5 списков, учтенных у Махдави (№ 10), писан в 570/II74-75 г. на 16 страницах.
- 85 Махдави, № 120: сочинение делится на 10 фәсл, известно под названиями "Исследование о душевных силах" (Мабхас 'ан ал-кувā-н-нафсāййā), "Подарок" (Хадййā), "Параграфы" (ал-Фусул); его старейший список насчитывает 46 страниц и датирован 588/II92 годом.
- 86 Махдави, № 121: сочинение делится на 16 фәсл, имеет ряд названий; из множества его списков самый старый датирован 588/II92 г. и занимает 79 страниц.

- 87 Известен в одном списке на 7 страницах.
- 88 У Махдави (№ 12) учтены 9 списков сочинения, которое умещается обычно на 3 страницах.
- 89 Сочинение зафиксировано у Махдави (№ 7) на основании единственного списка на 6 страницах: может быть, его следует отнести в раздел **метафизики**.
- 90 Махдави, № 36: 8 списков. Сочинение **записано** учеником ("рабом") Ибн Сины.
- 91 Сочинение состоит из 7 силлогизмов (кийās), Махдави (№ 52) учел 9 его списков, из которых старейший датирован 570/II74-75 г. и занимает 13 страниц.
- 92 Махдави, № 109: 2 списка, в одном насчитывается 3 страницы.
- 93 Махдави, № 123: 3 списка, в одном из них 5 страниц.
- 94 Сочинение делится на 7 бāб и представляет комментарии на приписываемое Аристотелю сочинение о душе; известно в I списке: Махдави, № 124.
- 95 Делится на 4 фāсл; у Махдави (№ 80) учтены 4 списка.
- 96 Из 18 списков, учтенных у Махдави (№ 91), один насчитывает II страниц.
- 97 Ал-Байхақй, с. 55.
- 98 По единственной лейденской рукописи (№ 1061) сочинение издано Е. Видеманом в 1927 г.; Махдави, № I.
- 99 Махдави, № 2: 7 списков, в одном из них сочинение занимает 16 страниц.
- 100 Иначе: "Трактат о доказательстве циркулирования любви во всем сущем" (Рисала фй исбат сарайāн ал-'ишк фй-л-мауджудāt); старейший из многих списков, учтенных у Махдави (№ 90), датирован 579/II83-84 г.
- 101 У Махдави (№ 23) учтены 5 списков, один уместился на 9 страницах.
- 102 Сочинение делится на 7 фāсл, известно в множестве списков, из которых старейший датирован 588/II92 г., в издании заняло 127 с.: Махдави, № 30.
- 103 Может быть, имеет отношение к полемике с Абū-л-Кāсимом,

у Махдави (№ 34) учтены 8 списков сочинения, занимающего в одном из них 3 страницы.

IO4 Объем сочинения невелик, списков много, Махдави, № 3.

IO5 Стихотворение в 334 бейта, Махдави (№ 5I) зафиксировал 7 списков.

IO6 Махдави, № 6I: списков много, в одном I6 страниц.

IO7 Махдави, № 70: списков много, старейший датирован 588/I192 г. и занимает 6 страниц.

IO8 Махдави, № 97: множество списков, в основном поздних; сочинение известно также под названиями "Действие и претерпевание (страдание) (ал-Фи'л ва-л-инфи'ал); "Добродетель и грех" (ал-Бирр ва-л-исм)

IO9 Сочинение небольшого объема (I-2 страницы), у Махдави (№ 54) отмечено 7 списков.

IOO Махдави, № I13: 7 списков, в одном из которых 4 страницы.

II1 В перечнях трудов Ибн Сины не упоминается, но представлена среди прочих списком 588/I192 г.; в ней 20 байтов, Махдави, № 99.

II2 Махдави, № 38: 7 списков, в одном из них 5 страниц.

II3 Сочинение имеет несколько вариантов названия, его списки многочисленны, обычно умещается на 2-3 страницах, Махдави, № 89.

II4 Построен в виде вопросов и ответов, их стиль внушает сомнение в принадлежности сочинения Ибн Сине; у Махдави (№ 55) учтены 4 списка, в одном из них 2 страницы.

II5 Махдави, № 57: множество списков, в одном 27 страниц, старейший датирован 579/I183-84 г.

II6 Сочинение делится на II фасл, старейший из I8 списков датирован 588/I192 г. и насчитывает 35 страниц; называется также "О конечном и бесконечном" (Фй-н-нихайа ва-л-ләнйхайа), Махдави, № 64.

II7 Махдави, № 69; 2 списка.

II8 Махдави, № 74: I список.

II9 Сочинение не упоминается в старых перечнях трудов Ибн Сины, но представлено многочисленными списками, Махдави, № 85.

- I20 Или "Обет об очищении души", текст известен в двух вариантах, у Махдави (№ 92) учтено 20 списков.
- I21 Принадлежность Ибн Сине слабо подтверждена, Махдави, № I28: I **список**.
- I22 Ибн Абй Усайбй'а, I, с.327.
- I23 Там же, с.328.
- I24 Ал-Байхақй, с.43.
- I25 Сочинение делится на 7 статей (мақала), сохранилось в 20 списках, из которых старейший датирован 579/II83-84 годом: Махдави, № 75.
- I26 Абу Али ибн Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. I-5, Ташкент, 1954-1960.
- I27 Например: И.И.Гинцбург, Арабская медицина и произведения Авиценны "Канон" и "Урджуза" по еврейским рукописям Института востоковедения Академии наук, - "Труды второй сессии Ассоциации арабистов 19-23 октября 1937 г.", М.-Л., 1941, с.41; А.Я.Борисов, Авиценна как врач и философ. - ИАН СССР, Отделение общественных наук, 1938, № I-2, с.56-58. Рукописи сочинения многочисленны, у Махдави (№ 98) учтено 186 списков разных томов ("книг").
- I28 Ибн Абй Усайбй'а, II, с.7-8.
- I29 у Махдави (№ I4) учтены 28 списков.
- I30 Махдави, № I01: 7 списков.
- I31 Махдави, № II7: 9 списков.
- I32 Махдави, № I5: А.Э.Шлионский, "Поэма о медицине" Авиценны. Автореферат канд. дисс. Душанбе, 1969.
- I33 Махдави, № 39: 5 списков, в одном из них II страниц.
- I34 Ал-Кифтй, с.425.
- I35 Махдави, № I6: I5 байтов, 4 списка.
- I36 Махдави, № I7: I2I **байт**, I2 списков.
- I37 Махдави, № I8: I список (Ватикан); Шлионский (ук.соч., с.7) приводит число байтов - 89 и утверждает о наличии рукописей в Готе и Британском музее.
- I38 Махдави, № I9: 93 байта, 2 списка.

- I39 Махдави, № 20: 120 байтов, 7 списков.
- I40 Махдави, № 21: 72 байта, 5 списков.
- I41 Махдави, № 31: фрагмент на 3 страницах одной стамбульской рукописи.
- I42 Махдави, № 44: рецепт в 10 строк.
- I43 Советы путешественникам, Махдави, № 45: 5 списков, в одном из них насчитывается 23 листа.
- I44 Махдави, № 59: из 15 списков старейший восходит к 579/II83-84 г.
- I45 Состоит из введения и 13 бāб; у Махдави учтены 13 списков, в одном из них 13 страниц.
- I46 В единственном списке она названа переводом Ибн Сины из Галена, что делает его авторство сомнительным, Махдави, № 66.
- I47 Махдави, № 73: 12 списков, в одном из них 5 страниц.
- I48 Старейший из 9 списков сочинения датирован 579/II83-84 г., один из них насчитывает 16 листов, Махдави, № 77.
- I49 В двух из 9 списков автором назван ар-Рāзй, Махдави, № 81.
- I50 Махдави, № 83: 4 списка, в одном из них сочинение занимает 5 страниц.
- I51 Махдави, № 95: 5 списков, в одном из них 5 страниц.
- I52 Махдави, № 96: 12 списков, в одном из них 34 страницы.
- I53 Махдави: № 110: 4 списка, в одном из которых 24 страницы.
- I54 Махдави, № 112: рецепты на 14 страницах единственного списка.
- I55 Махдави, № 131: много списков.
- I56 Махдави, № 13: много списков, из которых один насчитывает 12 страниц, а старейший писан в 579/II83-84 г.
- I57 Махдави, № 50.
- I58 Махдави, № 58: 2 списка, в одном текст **занимает** 2 страницы.
- I59 Махдави, № 102: 3 списка по одной странице.
- I60 Махдави, № 103: 3 списка, сочинение **занимает** несколько строк.

- I61 Махдави, № 82: сочинение состоит из предисловия и пяти бaб, известно в 5 списках, в одном из них занимает 8 страниц.
- I62 Махдави, № 87: I список на одной странице.
- I63 Махдави, № 46: 3 списка по одной странице.
- I64 Второе его название - "Красный эликсир" (ал-Иксир ал-ахмар), у Махдави (№ 86) учтены 4 его списка, из которых старейший датирован 700/1300-01 г.
- I65 "Варианты названия - "Об эликсире", "Об алхимии"; сочинение делится на 9 фaсл, старейшие списки датированы 588/II92 и 699/1299-1300 г., у Махдави (№ 33) их отмечено 9.
- I66 Ibn Sina, Risalat al-iksir. - "Türkiyat Mecmuasi". с.Х, İstanbul, 1953, с.27-54.
- I67 Сочинение делится на предисловие и 3 фaсл, его списки многочисленны: Махдави, № I27.
- I68 Сочинение состоит из предисловия и I29 фaсл, у Махдави (№ 47) отмечены II списков.
- I69 Махдави, № I26: 2 списка, в одном из них 3 страницы.
- I70 Ибн Абй Усайбй'а, II, с.19.
- I71 у Махдави (№ I04) указан I список в Тегеране, другой находится в собрании Ленинградского отделения ИВ АН СССР: А 345, лл. I626-1656. Ибн Абй Усайбй'а видел какую-то часть словаря и отозвался о нем как I0-томном и "странно составленном" (II, с.5).
- I72 Махдави, № 25: среди многих списков старейший датирован 570/II74-75 г.; в обоих вариантах: В.Г.Ахвледиани, Фонетический трактат Авиценны. Текст, перевод и исследование. Тбилиси, 1966.
- I73 Махдави, № 65: 20 списков; его сюжет был обработан в виде повести Ибн Туфайлем в Испании.
- I74 Старейший из многих списков датирован 586/II90 г., Махдави, № 88.
- I75 Махдави, № I00: I7 списков, в одном из них 27 страниц.
- I76 Махдави, № 7I: 5 списков, в одном 2 страницы.
- I77 Махдави, № II9: I список на одной странице.
- I78 Ал-Байхакй, с.93-94.
- I79 Там же, с.95-96.

- 180 Там же, с.49.
- 181 Ал-Байхакӣ, с.92-93.
- 182 Там же, с.91-92.
- 183 Там же, с.120-121. В этом источнике приводятся биографии трех его учеников.
- 184 Ибн Абӣ Усайбӣ'а, II, с.22.
- 185 Там же, II, с.20.
- 186 Ал-Байхакӣ, с.98.
- 187 Там же, с.128.
- 188 А.Я.Борисов, Авиценна как врач и философ, с.54.
- 189 Там же, с.52.
- 190 Там же, с.60.
- 191 Там же, с.64-65.
- 192 Там же, с.67.
- 193 Там же, с.68.
- 194 P.Morewedge, *The Metaphysica of Avicenna (Ibn Sīnā). A critical translation-commentary and analysis of the fundamental arguments in Avicenna's Metaphysica in the Danish Nama-i 'alā'i (The Book of Scientific Knowledge). London, 1973 (Persian Heritage Series, N 13).*
- 195 А.Я.Борисов, Авиценна как врач и философ, с.71.

А.Т.Тагирджанов, О.Б.Фролова

РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЙ ИБН СИНЬ В БИБЛИОТЕКЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Перу Ибн Сины, согласно некоторым подсчетам, принадлежит около 270 сочинений. Рукописное собрание восточного отдела Научной библиотеки им. М.Горького Ленинградского Гос.университета им. А.А.Жданова располагает девятью рукописями, содержащими сочинения Ибн Сины и комментарии к ним.¹ Это - части знаменитой философской энциклопедии "Книга исцеления" (№ 62 и 195); извлечение самого Ибн Сины из "Книги исцеления", называемое "Книга